

Диана Шнайдер

Код хаоса
и порядка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Диана Шнайдер
Код хаоса и порядка

«Автор»

2026

Шнайдер Д.

Код хаоса и порядка / Д. Шнайдер — «Автор», 2026

Теперь они — экспериментальная группа «Гибрид». Их задача — расследования, где обычные методы заходят в тупик. Кай Хилл верит в порядок. Его мир — это логика, процедуры и безупречный цифровой след. Эмоции для него — сбой в системе, который нужно устранить. Мейбл Филдс верит в хаос. Её мир — это интуиция, нарушенные правила и правда, которую можно почувствовать кожей. Люди для неё — единственный источник света в мире данных. Им предстоит расследовать убийство, где улики прячутся в строках романов. Где цифровой культ плетет сеть из слов, а каждая новая метафора может оказаться чьей-то последней. Пока Кай ищет убийцу в коде, Мейбл находит его в чужой боли. Пока он защищает процедуры, она нарушает запреты. Их война методов неизбежна. Их ставка — не только правда, но и жизнь. Второй роман цикла «Хроника Гибрида». История о том, что самый сложный код, который нам предстоит взломать, находится не в цифрах, а в нас самих.

© Шнайдер Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА:	5
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ:	6
ПЛЕЙЛИСТ:	7
Глава 1 Код Отца	8
Глава 2 Гибрид	15
Глава 3 Первый след	29
Глава	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Диана Шнайдер

Код хаоса и порядка

ОТ АВТОРА:

«..Мои дорогие читатели,

Если первую книгу я создавала в муках творческих сомнений, то вторую — выхаживала в тревожной, но сладкой уверенности: я не одна.

«Код Хаоса и Порядка» стал для меня экспериментом. Мне было страшно трогать сложившийся в голове мир, страшно развивать отношения героев, страшно, что продолжение разочарует. Но желание узнать, «а что же было дальше...» с Айрис, Освальдом, Мейбл и Каем, оказалось сильнее.

Оказалось, «дальше» — это не новая жертва за стеной.

«Дальше» — это стена, которую они выстроили между собой. Это внутренний враг, которого страшнее, чем маньяк с ножом: непонимание, гордыня, страх быть уязвимым. Писать эту внутреннюю войну было невероятно сложно и бесконечно интересно. Спасибо моему соавтору, П.Л., который в моменты, когда сцены превращались в беспомощный словесный шум, помогал находить ту самую, единственную тихую ноту, с которой всё снова вставало на свои места.

И спасибо вам! Ваш интерес - это пропуск в следующий акт этой драмы. Вы показали, что вам интересны не только преступления, но и те, кто их раскрывает.

Держитесь. Будет интересно.»

Диана Шнайдер

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ:

ВНИМАНИЕ: Издание содержит темы, требующие осознанного прочтения. Рекомендуется читателям старше 18 лет.

ОСОБЕННОСТИ КНИГИ:

Убийства в контексте цифрового культа

Психологическое насилие и манипуляции

Похищение человека, ограничение свободы

Сцены физического насилия

Травмы прошлого, связанные с авторитарным воспитанием

Эмоциональное насилие в профессиональной среде

Если эти темы могут быть для вас болезненными, пожалуйста, позаботьтесь о себе во время чтения.

ПЛЕЙЛИСТ:

Johann Johannsson — «Orphée»
“Inside” - Chris Avantgarde, Red Rosamond
“Content” - Joywave
“Slipping” - Husky Loops
“If You Don’t Care” - Ki:Theory
“Cellophane” - FKA twigs
“We are Not Done” - Mogwai
“Twisted” - MISSIO
“Potions” - Leap
“Ride” - Lana Del Rey

«Порядок — это не закон природы. Порядок — это человеческая мечта, навязанная реальностью. Мы все живём в царстве хаоса, надевая смирительную рубашку наших систем.»

Майя Энджелу

Глава 1 Код Отца

«Самая прочная тюрьма — та, чьи стены ты перестал видеть.»

Урсула Ле Гуин

Дом лейтенант-полковника в отставке Джонатана Хилла был музеем его собственной безупречной службы. Не склепом — тщательно курируемой экспозицией, где жизнь замерла в идеальной, победной позе. В гостиной, куда Кай провёл взглядом, на полированном комодике золотом и эмалью поблёскивали медали за кампании в пустынях и горах, о которых говорили редко, с особым, приглушённым уважением. Между ними — резные фигурки нэцке, привезённые бабушкой Мариико из Киото, и фотография в серебряной рамке: молодой Джонатан и юная, улыбающаяся Кейко на фоне Фудзиямы. Жизнь здесь была яркой, географичной, наградной, с безупречно расставленными акцентами. Она оставила след в каждом предмете, но словно ушла в самую древесину мебели, втянулась в персидские ковры, оставив после себя лишь душный, безукоризненный порядок.

Кай сидел за обеденным столом, чувствуя себя таким же экспонатом: в новом, идеально отглаженном пиджаке, с правильно подобранным галстуком. Иконой сыновнего долга, выставленной на всеобщее обозрение в день рождения отца.

Сам именинник, Джонатан Хилл, и в семьдесят сохранял осанку парадного строя. Седая щётка усов, подстриженная с миллиметровой точностью, прямой взгляд цвета стальной дроби. Он разрезал ростбиф с методичностью сапёра, разминировующего поле.

— Итак, — голос отца разрезал тишину так же эффективно, как его нож — мясо. — Обучение закончил. Что дальше? Обратно в свой участок?

Кейко, мать Кая, мягко коснулась края своей чашки. Её движения были тихими, как падение лепестков сакуры, но Кай уловил в них лёгкое напряжение.

— Джонатан, дай сыну рассказать самому.

Кай отпил воды, почувствовав, как гладкая поверхность хрустального стакана холодит пальцы.

— Меня переводят. В новое подразделение. Отдел по киберпреступлениям.

Атмосфера повисла густая, как запах воска для мебели. Бабушка Элизабет, чьё лицо было картой мудрых морщин, лишь чуть приподняла бровь, продолжая есть. Отец отложил нож и вилку. Звон о фарфоровую тарелку прозвучал неестественно громко.

— Киберпреступления, — произнёс Джонатан, растягивая слово, будто пробуя его на вкус и находя пресным, бумажным. — Снова бежишь от настоящей работы, сын?

Кейко тихо ахнула: «Джо...»

— В моё время, — перебил он её, не повышая тона, но его голос набрал плотность сукна, — следователь должен был нюхать кровь. Чувствовать страх на месте. Видеть правду в глазах, а не в... пикселях.

Каю казалось, что всё тепло из комнаты вытянуло одним мощным насосом. Он смотрел на вилку в своей руке. На гладкую, холодную сталь рукояти. Его пальцы сжали её так, что суставы побелели, но рука не дрогнула. Ни один мускул на лице не шевельнулся.

— Это и есть настоящая работа, отец, — сказал он ровно, глядя на тарелку. — Кровь теперь часто льётся сначала там. В цифровом следе. Кто-то должен уметь её почувствовать.

— Чувствовать? Когда компьютер научился «чувствовать»? — Джонатан фыркнул, но в его фыркание не было снисхождения. Было разочарование. — Ну что ж. Твой выбор. Надеюсь, они там хотя бы учат держать осанку перед монитором.

Остаток ужина прошёл под аккомпанемент тихого звона приборов и односложных ответов Кая. Дом, полный истории, побед, путешествий, давил на него тишиной витрины. Его собственная жизнь, недавний триумф и новое назначение теряли объём и вес в этих стенах, становясь плоской служебной запиской, приколотой к доске семейных достижений. Позже, стоя у окна в своей старой комнате — теперь кабинете для гостей, где все его подростковые вещи были аккуратно убраны в коробки, — он смотрел на тёмный, подмёрзший сад. В кармане завибрировал телефон.

«Итак, Хилл? Как ощущения после первого дня в новой шкуре? Как себя чувствует оперативный руководитель кибернаправления? Шучу. Как ты?»

Он прочитал сообщение. Три месяца назад она прислала бы смайлик с саркастической рожей или гифку. Теперь — прямой, почти деловой вопрос. Он сам сделал его таким. В последние недели обучения его ответы становились короче, суше: «В процессе», «Нормально», «Разберёмся на месте». Возвращая их в сложно налаженные отношения, назад, в дни первой недели знакомства.

Его пальцы замерли над клавиатурой. Дикое, почти физическое желание побыть одному, чтобы никто — даже она, особенно она — не пытался прощупать свежие синяки на самооценке, накрыло его с головой. Её забота, попытка вернуть старый, острый тон их общения, пришла не вовремя. Прямо в момент, когда стены отцовского дома, казалось, тихо шептали ему на ухо: «Беглец». Он выдохнул, пар от дыхания затуманил холодное стекло.

«Порядок, Филдс. Вступление завтра. Остались организационные вопросы.»

Он отправил и тут же перевёл телефон в беззвучный режим, положив экраном вниз на комод. Рядом с безликой фарфоровой вазой, идеально пустой.

За окном, в отражении комнатного света на стекле, он видел своё собственное лицо — маску спокойствия, натянутую на стальной каркас усталости. Код отца, холодный и неумолимый, тикал где-то внутри, как метроном, отмеряющий правильные, размеренные, одинокие такты.

Офис Мейбл Филдс напоминал аквариум, в который запустили ураган. Или наоборот — ураган, застрявший в аквариуме. Пространство, поделённое на четыре клетки-стола, было завалено папками, принт-аутами с криминальными сценами и чашками с давно остывшим кофе. Воздух пах старым ковром, дешёвой бытовой химией и тщетностью.

Собственно, «офисом» это называли только в официальных бумагах. Для Мейбл это был загон для интуиции. Четыре месяца. Сто двадцать дней с тех пор, как Харрис официально оформил её консультантом по поведенческому анализу. Сначала был восторг: свой стол, доступ к архивам, удостоверение. Потом пришло понимание. Большую часть времени её уникальный мозг, способный на лету вычленять паттерны в поведении маньяков, использовали как пресс для папок: составить отчёт о типичных признаках серийного насильника (уже составлен), проанализировать статистику по подростковым суицидам (проанализирована), проверить на соответствие шаблону очередное «холодное дело», которое никто никогда не раскроет.

Освальд Уайт, единственная знакомая точка в этом казённом космосе, теперь пропадал в прокуратуре или в своём захламлённом кабинете. Кай отбыл на обучение, превратившись в набор сухих, односложных сообщений в её телефоне. Она была предоставлена самой себе и соседям по аквариуму: двум болтливым клеркам, чьи обсуждения вчерашнего сериала и диет были для Мейбл хуже китайской пытки.

Именно в такую минуту предельной, звенящей скуки, когда её взгляд уже в сотый раз вызубрил трещину на потолке, в дверном проёме появился Дейв Картер. Сержант был полной противоположностью Каю Хиллу. Там, где Кай был холодной сталью, Картер был тёплым, слегка потрёпанным дубом. Мускулистый, в рубашке, натянутой на грудь колесом, с привыч-

ной усмешкой в уголках рта. Он держал в руках папку, как будто это была не служебная документация, а гантель для разминки.

— Док Квак! — бросил он, швыряя папку на стол. — Освежись. Для тебя развлечение.

Мейбл посмотрела на него, не скрывая раздражения. «Док Квак» — шарлатан. Так он окрестил её с первого дня, не веря ни в психологические портреты, ни в анализ мотивов.

— Если это ещё один отчёт о статистике краж кошельков у бабушек, Картер, я использую твою форму как салфетку для утреннего кофе. Который, кстати, ты расплескал толкнув меня в коридоре.

— Ого, какая колючая, — усмехнулся Дейв, прислонившись к перегородке её кабинки. Его тень упала прямо на стол, накрыв разбросанные бумаги. — Нет, принцесса. Настоящее дело. Вернее, почти настоящее. Из отдела коронеров. Девушка, Дафна Уилсон. Повесилась. Всё чисто, но наш патологоанатом — божий одуванчик и педант — попросил глянуть со стороны психологии. Мол, не пропустили ли мы чего. От скуки.

Мейбл медленно открыла папку. Фотография. Девушка в недорогой, но уютной квартире. Следов борьбы нет. Предсмертная записка на принтере: классические «мне жаль, я не могу больше». Она уже мысленно ставила галочку: депрессия, кризис, точка. Её взгляд, замысленный рутиной, скользнул по отчёту о банковских операциях. И вдруг — зацепился. Траты Дафны за последний месяц. Не на одежду, не на развлечения. Крупные, регулярные переводы. За три дня до смерти. Мейбл почувствовала лёгкий, давно забытый шелчок в сознании. Как будто шестерёнка, заржавевшая от бездействия, вдруг дрогнула и провернулась на миллиметр.

Она резко отодвинула в сторону первое впечатление и погрузилась в работу — свою настоящую работу. Пролистала распечатанные страницы профиля девушки в соцсетях. Проследила, как за два месяца тон постов медленно менялся: от обычной, чуть меланхоличной грусти по поводу работы — к внезапным, восторженным упоминаниям о «новых горизонтах» и «творческом прорыве». А потом, за неделю до смерти, — всё. Полная тишина. Стена опустела, будто девушку выключили из розетки.

Через час, когда Мейбл поднялась из-за стола, чтобы нести отчёт, её ноги сами принесли её к лестнице. Лифт был сломан уже месяц — табличка «Временно не работает» висела так долго, что стала частью интерьера. Она начала подниматься пешком. Второй этаж — канцелярия, запах бумаги и тонера. Третий — отдел по борьбе с мошенничеством, вечный гул телефонов. Четвёртый. Раньше здесь было её место. Не кабинет — присутствие. Здесь несколько месяцев назад они вчетвером — она, Кай, Освальд, Айрис — сидели ночами над делом Смит, и воздух был таким плотным от напряжения, что, казалось, его можно было резать ножом. Здесь она впервые увидела, как у Кая дрогнул уголок губ, когда он защищал её перед коллегами у кулера. Здесь пахло не тщетностью, а охотой. Сейчас на четвёртом было тихо. Дверь в их старую оперативную комнату — закрыта. Свет не горит. Мейбл перевела дыхание — не столько от подъёма, сколько от этого зрелища. Тёмные стёкла, за которыми когда-то горел монитор с картой городов Сьюзен Смит. Теперь там, наверное, склад ненужных папок.

Она пошла дальше, туда, где сейчас сидел Картер. Ирония заключалась в том, что он занял не просто какой-то стол. Он занял стол Кая. Тот самый, с идеальным порядком, с подставкой для канцелярии, где каждая ручка лежала под определённым углом. Теперь на этом столе стояла кружка с отбитой ручкой с логотипом заправки, валялись какие-то квитанции, а монитор был развёрнут не к двери, а к стене — чтобы никто не видел, что он там смотрит в перерывах. Картер сидел, развалившись в кресле, которое Кай регулировал с точностью хирургического стола, и что-то бодро набивал в своём смартфоне. Мейбл остановилась в дверях, и на секунду время сделало кульбит. Spина, склонившаяся над телефоном, массивные плечи — но не та сухая, подтянутая фигура, к которой она привыкла. Не тот запах цитруса и древесных нот. Другой. Чужой. Она поймала себя на том, что ищет глазами стул, на котором раньше

сидела сама. Он был там же, у окна. Пустой. На подоконнике всё ещё стоял её забытый кактус — маленький, колючий, выживший вопреки всему.

Картер наконец поднял голову, заметил её в дверях.

— О, явилась. Докладывай.

В его голосе не было злости. Только ленивая снисходительность человека, который делает одолжение, слушая «эксперта». И это, почему-то, задело сильнее, чем если бы он просто послал её. Кай бы никогда так не сказал. Кай бы спросил: «Что нашла?» — и замолчал, ожидая ответа, глядя своими холодными глазами, от которых невозможно было ничего скрыть.

Мейбл шагнула внутрь, стараясь не смотреть на пустой стул у окна.

— Вот отчёт. Но есть нюанс.

Картер, не отрываясь от экрана, протянул руку. Жест, копирующий Кая, но лишённый его напряжения. У Кая каждая мышца была струной, даже когда он просто сидел. Картер был расслаблен, как кот на солнце.

— Ага, молодец. Нюанс, говоришь?

— Эти переводы. «Антология Аонид». Зачем отдавать последние деньги на поэтический сборник перед тем, как свести счёты с жизнью? Почему не на благотворительность, не в приют для животных?

Картер наконец поднял на неё взгляд. Снисходительный. В точности такой, каким был у Кая в первые дни их знакомства. Только у Кая это была защита. А у Картера — искреннее непонимание, зачем вообще заморачиваться.

— Ох, доктор Квак, да ладно тебе. Бывает и такое. Влюбилась в поэзию, освободила душу. Не ищи конспирологию в каждой чашке кофе.

— Это не конспирология, — голос Мейбл зазвенел сталью. Она сама удивилась, откуда взялась эта жёсткость. — Это аномалия. И аномалии нужно проверять. Хотя бы запросить информацию об этом проекте...

— И потратить на это время, которого у меня нет? — Картер перебил её, вставая. Он был выше на голову, и его тень накрыла её. — На «аномалию», которая принесла нам труп без единого признака насилия? Этого дела у меня вообще быть не должно. Меня им нагрузили, потому что не знали, куда деть. У меня настоящие дела стынут. А это — холодное дело.

Он взял папку из её рук, хлопнул ею по своей ладони. Звук получился глухой, окончательный.

— Заморозь свои мозги, Квак. Или сходи, выпей кофе. С сахаром. Подсласти реальность.

Он ушёл, оставив после себя шлейф одеколона — дешёвого, резкого, совсем не того, к которому она привыкла на четвёртом этаже. И ощущение полной, беспросветной профессиональной никчёмности. Мейбл постояла ещё секунду, глядя на пустой стул у окна. Потом подошла к подоконнику, провела пальцем по колючкам кактуса. Тот не отреагировал — только уколол в назидание.

— И ты туда же, — шепнула она.

Перерывы Мейбл проводила не в курилке и не у автомата с газировкой, а на пожарной лестнице за задним фасадом здания. Здесь пахло зимним воздухом, выхлопными газами и свободой. Вернее, её жалким подобием. Она закуталась в пальто, дыша на заочевшие пальцы, и позвонила Айрис.

Раньше она звонила ей всегда. В любой дурацкий перерыв, в любую паузу между скукой и отчаянием — хвасталась удачной находкой в секунд-хенде, жаловалась на идиотов в отделе, просто дышала в трубку, когда не было сил говорить. Айрис была тем единственным человеком, которому не нужно было объяснять, почему ты молчишь. Она просто была рядом — на

том конце провода. Теперь трубку брали не сразу. А когда брали — голос звучал плоско, как лист бумаги, который слишком долго пролежал под прессом.

— Мейб, что-то срочное?

Мейбл попыталась вдохнуть в разговор хоть каплю своего привычного заряда, того самого, который раньше заставлял Айрис улыбаться даже сквозь её вечную задумчивость.

— Привет! Ты где?

— В издательстве. Продление контракта. Не очень удобно сейчас говорить.

Фраза прозвучала как заученная скороговорка. «В издательстве». Мейбл стиснула телефон. Она знала этот голос. Знала его интонации, его обертоны, его микроскопические трещинки. Это был голос лжи.

— Айрис, всё в порядке? Ты же говорила, что с издательством всё заморозили...

— Всё в порядке, Мейб. Правда. Просто не сейчас, ладно? Я перезвоню.

Короткий гудок. И связь прервалась.

Мейбл опустила руку с телефоном, ощущая ледяную тяжесть в груди. Это была не просто ложь. Это был щит. Айрис строила вокруг себя новую, невидимую стену, и Мейбл, со всей своей пронизательностью, оставалась по ту сторону.

Она смотрела на грязную кирпичную стену впереди и заставляла себя думать как психолог. Посттравматический синдром. Избегание. Ей нужно время. Она борется. Она выкарабкается. У неё даже диплом есть, чтобы всё это подтвердить. Только диплом ничего не объяснял той маленькой девочке внутри неё, которая до сих пор помнила, как отец уходил из комнаты, не дослушав. Которая научилась быть громкой, дерзкой, неудобной — лишь бы её заметили. Которая выбрала профессию, где можно легально влезать в чужие головы, потому что в свои собственные залезать слишком больно. Она знала, что Айрис сейчас тяжело. Знала, что после дела Смит подруга провалилась в тишину глубже, чем когда-либо. Знала, что та пытается вылезти — ходит к психологу, снова начала писать, даже поливает свои дурацкие цикламены. Но знание не отменяло того факта, что от неё, Мейбл, Айрис отгораживалась. Не со зла. Просто так было легче.

«Я всё понимаю», — сказала она себе вслух. Голос прозвучал жалко, как у ребёнка, который убеждает себя, что ему не больно.

Она перевела взгляд на экран телефона. Последние сообщения от Кая — сухие, служебные, на её вчерашний ответ он так и не ответил. Зато в чате горела новая, непрочитанная ею иконка «Чеширского кота». Итан. Имя вспыхнуло в памяти, как приятная искорка в этом унылом дне.

Итан Гудман. Рождественская ярмарка. Павильон букинистов, пропахший старым клеем, пылью и мандаринами. Мейбл продиралась к развалу с детективами, уже предвкушая, как найдёт что-нибудь раритетное и дешёвое. И вот он — потрёпанный, но благородный корешок. Не просто «Смерть на Ниле». Редкое издание семидесятых, с уникальными иллюстрациями. Её рука метнулась к книге молнией. И замерла в сантиметре от цели, потому что её опередила чужая, мужская рука в кожаной перчатке.

«Ни черта себе!» — мелькнуло у неё в голове. Азарт находки сменился спортивным.

— Э-э-э, товарищ! — бросила она, даже не глядя на владельца руки. — Приоритет. Я её первой увидела.

— Интересная трактовка правил, — раздался спокойный, слегка насмешливый голос. — По моим данным, приоритет у того, кто первый дотронулся.

Мейбл наконец подняла взгляд. Перед ней стоял мужчина лет тридцати, в хорошей, но потёртой куртке. Ничего особенного, если бы не глаза — очень внимательные, оценивающие.

— Физический контакт, говорите? — она сделала шаг вперёд, нарочито демонстративно оперлась о стойку, высвобождая из-под брючины ярко-алый носок в синих динозаврах. — А вот и нет. Я уже мысленно установила с ней духовную связь. Это куда более весомый аргумент.

Он посмотрел на её носки, потом на её лицо. В уголках его глаз заплясали смешинки.

— Духовная связь через носки с тираннозаврами. Сильный ход. Признаю. Но моя рука уже здесь, — он слегка постучал пальцем по обложке. — Это материальный мир. Он груб и осязаем. Предлагаю перемирие. Давайте решим, как цивилизованные люди. Кто больше о ней знает?

— Вызов принят, — мгновенно согласилась Мейбл, загораясь. — «Смерть на Ниле». Не просто классика. Это единственный роман Кристи, где...

— ...где убийца использует не яд и не револьвер в библиотеке, а психологию, — парировал он, перебивая. — И основная интрига — не «кто», а «как». Потому что все всё видели, но никто ничего не понял.

Мейбл скривила губы. Попал в точку.

— Ладно, неплохо. Но вы упускаете главное. Это история не об убийстве, а о ревности. Всё построено на ней. Даже не на любви. На её гнилой, ядовитой тени.

— Ревность как идеальное алиби для самого себя, — кивнул он, и в его взгляде появилось одобрение. — Да. Она ослепляет всех. И жертв, и палачей, и читателя. Вы читали критику того издания? — он кивнул на книгу.

— Естественно. Там спорят, могла ли Жаклин на самом деле...

— ...выстрелить, не будучи замеченной музыкантом? Бред. Весь пароход был ей алиби. Её трагедия — это и есть её неприкосновенность. Гениально.

Они простояли у ларька ещё минут десять, наперебой цитируя, споря о второстепенных персонажах и смеясь над наивностью ранних экранизаций. Ветер продувал насквозь, но Мейбл не замечала холода. Это была дуэль, а не разговор. Интеллектуальный спарринг с равным. В конце концов, незнакомец с театральным вздохом отстранил руку от книги.

— Капитулирую. Ваши динозавры и духовная связь победили. Но при одном условии.

— Каковы ваши условия, мистер? — насторожилась Мейбл, но в её глазах играли огоньки.

— Что вы позволите мне купить вам чашку глинтвейна, чтобы отогреться после этой битвы. И расскажете, откуда у вас носки. Мне жизненно необходимо такую же пару для важных переговоров.

Мейбл рассмеялась, взяла книгу и протянула деньги продавцу.

— Глинтвейн — да. Источник носков — это государственная тайна. А вас как зовут, проигравший?

— Итан Гудман. А вас?

— Мейбл Филдс. И, Итан, — она бросила ему книгу, которую он машинально поймал, — перестаньте делать такое поражённое лицо. Мы купим два глинтвейна. И вы мне расскажете, почему в «Убийстве Роджера Экройда» повествование от первого лица — это не просто трюк, а предательство читателю. И чтобы без заумничества.

Итан оказался тем редким типом, кто не испугался её натиска, а принял вызов. Его сообщения потом были такими же: с вызовом, с намёком на интеллектуальную дуэль, с самоиронией. Он стал её отдушиной — местом, где можно было быть дерзкой, острой и не бояться, что тебя осадят.

Теперь он писал:

«Мейбл. В воскресенье в Городской открывают выставку — «Немецкие импрессионисты: тоска по свету». Звучит достаточно мрачно, чтобы нам было о чём поспорить. Говорят, там есть угол с эскизами — вроде как черновики картин. Напоминает мое творчество, только, надеюсь, талантливее. Соизволишь посмеяться над чужими творческими муками? Если, конечно, не занята.»

Уголок рта Мейбл дрогнул. Она уже собиралась ответить с той же лёгкой колкостью, с тем же вызовом, который они культивировали с первой встречи — как вдруг из открытой двери

курилки, выходящей на лестничную клетку, вырвался взрыв грубого, раскатистого хохота. Она узнала этот хохот. Картер. Улыбка на её лице застыла, съёжилась и сползла вниз, как испуганная улитка, втягивающая рожки. Она потупила взгляд в экран, ощущая знакомый едкий привкус на языке — привкус того самого детского «меня не слышат», который она годами заедала дерзостью и громким смехом.

Она быстро стёрла начатый было парирующий ответ и набрала новый — проще, суше, безопаснее.

«Выставка с тоской по свету — это как раз то, что нужно после рабочей недели. Я в деле. Насчёт таланта — воздержусь от комментариев до воскресенья. В час у главного входа?»

Она отправила и тут же сунула телефон в карман, будто пряча улику. Из курилки снова донёлся хохот — теперь к нему присоединился чей-то ещё, визгливый женский. Мейбл натянула капюшон, заглушая звуки, и, плотнее закутавшись в пальто, шагнула в промозглый воздух.

Встреча в воскресенье была всё ещё приятной мыслью. Но теперь этот огонёк казался не ярким маяком, а маленькой, одинокой свечкой на огромном, холодном ветру.

Глава 2 Гибрид

«Безумие — это делать одно и то же снова и снова, но каждый раз ожидать другого результата.»

Рита Мэй Браун

Утро в кабинете Освальда Уайта начиналось не с кофе. Кофе был фоном, постоянным шумовым сопровождением, таким же естественным, как гул вентиляции или тиканье настенных часов. Утро начиналось с момента, когда он переставал замечать кого-либо вокруг себя и нырял в работу с головой. Сегодня этот момент наступил рано.

Кабинет детектив-инспектора напоминал последствия внезапного взрыва на фабрике бумажной промышленности. Только ещё хуже. Бумаги на столе лежали не стопками, а архипелагами, разделёнными морями из кофейных кружек, книг и забытых папок. Пыль мягко лежала на всём, кроме того квадратного сантиметра столешницы, который он использовал прямо сейчас. Здесь, в этом священном беспорядке, его мозг работал как швейцарские часы — с той лишь разницей, что циферблат этих часов был нарисован от руки, стрелки указывали в разные стороны, а механизм приводился в движение чистым, ничем не разбавленным хаосом. Кто-то из коллег, в одну из редких минут, когда они не препирались, назвал это «организованной катастрофой». Уайт тогда поправил: «Неорганизованная. Но работающая. Это важное различие».

Однако сегодня утренний ритуал был нарушен. Уайт не писал отчёт и не копался в деле. Он сидел, откинувшись в кресле, и смотрел на экран своего старого монитора. На экране — блог «Медленные маршруты». Новый пост Айрис Мюррей был датирован вчерашним числом. Заголовок: «Альберт-док: Красный кирпич».

Он заметил, что читает этот пост уже в третий раз. Не потому, что текст был сложным. А потому, что в нём не было того, чего он боялся. Уайт щёлкнул мышью. Под заголовком — фотография: ржавые краны на фоне серого неба, отражение старого склада в луже, одинокая чайка на перилах. Никакой постановки, никакой «художественности». Просто взгляд человека, который учится смотреть заново. Текст был лаконичным, но живым. Она сравнивала прошлое и настоящее: где-то раньше стояли тюки с хлопком, а теперь — инсталляция из светодиодов; где когда-то грузчики кричали на причале, теперь туристы пили кофе. «Шум стал другим, — писала она. — Но он есть. Это уже не тишина».

Уайт медленно кивнул сам себе. Он пролистал вверх, пробежал глазами по предыдущим постам за последний месяц. Была прогулка по заброшенному виадуку в часе езды от города. Небольшой отчёт о поездке в прибрежный городок, где она ела рыбу с жареной картошкой и описывала, как чайки отбирают еду у туристов. Даже пост о том, как она пыталась починить протекающий кран на кухне и в итоге вызвала сантехника — с самоиронией, лёгкой, почти невесомой. Ничего грандиозного. Никаких разоблачений, никаких психологических драм. Но была система. Регулярность. Она выходила из дома. Садилась в поезд. Смотрела по сторонам. Делала снимки и писала о том, что видела, а не о том, что чувствовала. Медленная, осторожная разминка. Она потихоньку растягивала мышцы своего внимания, заново учась смотреть на мир без страха увидеть в нём отражение своего кошмара.

Уайт вспомнил, как четыре месяца назад она сидела в камере, сжимая в руках стаканчик с чаем, и её пальцы дрожали. Как она смотрела на него сквозь ледяное стекло непонимания, когда он вынужден был объявить ей о задержании. Как потом, в его кабинете, пила горький чай из его дурацкого термоса и слушала, как он говорит про его «право на тишину». Он тогда

обещал себе, что доведёт дело до конца. Он не обещал, что сможет защитить её от последствий. Потому что это было не в его власти. Последствия — они всегда внутри. Их не упакуешь в папку с уликами. Но сейчас, глядя на фотографию чайки на перилах, он подумал: кажется, справляется.

Его пальцы привычно зависли над клавиатурой. Он открыл раздел комментариев. Ему не свойственно было лезть в душу или давать советы — для этого существовала Мейбл со своим дипломом и привычкой вламываться в чужие границы. Но нужно было просто дать знак: Я вижу. Продолжай.

Он полез в закладки — там хранилось всё, что когда-либо привлекало его внимание: от криминалистических статей до фотографий старых карт. Он нашёл в поисковике репродукцию — старинную географическую карту Ливерпульского залива с пометками капитанов. Нечто, связывающее прошлое из её поста с настоящим. На карте были обозначены старые доки, многие из которых давно снесли или перестроили. Но координаты — координаты остались теми же. Он вставил ссылку и подписал, как всегда, без обращений, без «Здравствуйте» или «С уважением». Просто факт, брошенный в пустоту:

«Карты меняются. Но координаты остаются. О.У.»

Он отправил сообщение и откинулся в кресле, наблюдая, как строка «комментарий ожидает модерации» мгновенно сменилась на «опубликовано». Уголки его губ дрогнули в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку. Он поймал себя на том, что уже несколько минут смотрит на экран в ожидании ответа. И осадил себя: она не обязана отвечать. Она и не ответит. Что должно поменяться? И вообще, у тебя работы по горло. Он заставил себя отвернуться от монитора. Потянулся к ближайшей стопке бумаг — отчёты по текущим делам, запросы из прокуратуры, бесконечная бюрократическая лента, которая никогда не кончалась.

Успокоенный этим маленьким, точным действием — комментарием, похожим на маячок в тумане, — он попытался нырнуть в работу. И именно в этот момент на его личном телефоне, лежавшем под слоем каких-то распечаток, завибрировал сигнал. Не звонок. Сообщение. Уайт нахмурился. Круг людей, которые могли писать на его личный телефон и этот номер, умещался на пальцах одной руки, и ни один из них не сулил ничего хорошего. Отец звонил только по воскресеньям. Харрис — если случалось что-то экстраординарное. И Мелоди. Он откопал аппарат из-под вороха бумаг, смахнул с экрана крошки от печенья (когда он успел съесть печенье? он не помнил, чтобы покупал печенье) и посмотрел на экран. Отправитель: «Мелоди».

Сообщение было выдержано в её фирменном телеграфном стиле, где каждое слово было рубленным, а каждая точка — похожа на укол булавки:

«Тиффани. Пятница. Весь день. Мне надо уехать по делам. Если откажешься, оставляю её с Кристал.»

Уайт зажмурился, потирая переносицу. Он даже не заметил, как его пальцы сжали телефон сильнее, чем следовало. Перед глазами встали два образа. Первый — шестилетняя Тиффани с её не по годам взрослым, оценивающим взглядом. Темные волосы, собранные в хвостик, который вечно распадался. Серьёзное личико, когда она рассматривала его кабинет в прошлый раз и спросила: «Пап, а почему у тебя так много бумаг и так мало игрушек?» Он тогда не нашёлся, что ответить. Второй образ — Кристал. Подруга Мелоди. Розовые волосы, пирсинг в брови, бесконечные разговоры о «свободном творчестве» и «энергетических практиках». Её карьера «свободной артистки перформанса» вызывала у Уайта стойкое желание написать аналитическую записку о вреде отсутствия профессиональной квалификации. Оставлять с ней дочь? На целый день?

Выбора, как всегда, не было. Между безответственностью и отцовским долгом он, как всегда, выбирал долг. Даже если это означало провести целый день, пытаясь ещё раз объяснить дочери, чем он занимается на работе, и одновременно не забыть накормить её чем-то, кроме пиццы и печенья из автомата. В прошлый раз, когда Тиффани была у него, они ели пиццу три

дня подряд. На четвёртый она заявила: «Пап, если я съем ещё один кусок, я стану круглой». Пришлось экстренно осваивать рецепты макарон с сыром.

Уайт: *«Буду в восемь. Что ей взять с собой?»*

Ответ пришёл почти мгновенно, будто Мелоди держала телефон в руке и ждала. Он даже представил, как она сидит где-то в своей минималистичной квартире и стучит ногтем по экрану в ожидании его капитуляции.

Мелоди: *«Книгу. Остальное — твоя головная боль. И, Освальд... не грузи её своими расследованиями. Она ребёнок.»*

Последняя фраза была лишней. И Мелоди это знала. Но не могла отказать себе в удовольствии ткнуть его носом в то, что он, по её мнению, постоянно упускал из виду. Будто он сам не знал, что Тиффани — ребёнок. Будто он не думал об этом каждую минуту, когда она была рядом, и каждую минуту, когда её не было. Уайт фыркнул, отложил телефон экраном вниз. Глубоко вздохнул. Сгрёб со стола ворох бумаг, которые успел рассыпать в поисках телефона, и попытался сосредоточиться на работе.

Перед ним лежали дела о серии убийств со взломом и кражами в южном округе. Три эпизода, одинаковый почерк, никаких зацепок. Обычная рутина. Но слова Мелоди всё ещё звенели в голове: «не грузи её своими расследованиями». Он вспомнил, как в прошлый раз Тиффани застала его за разбором фотографий с места преступления. Он успел свернуть окно, но она уже увидела. Спросила: «Пап, а почему там кровь?» Он сказал: «Это краска». Она посмотрела на него тем самым взрослым взглядом и ничего не ответила. А потом, через час, спросила: «А краска бывает такого цвета?» Он соврал. Снова. И это было хуже всего.

Уайт отодвинул бумаги, посмотрел на монитор. Блог Айрис всё ещё был открыт. Он обновил страницу. Под его комментарием появился ответ:

«Спасибо. Я как раз искала, куда пойти дальше. Координаты помогают. А.М.»

Уайт перечитал три раза. Коротко. Сухо. Не веря своим глазам. Он резко закрыл вкладку. Посмотрел на телефон, лежащий экраном вниз.

— Возможно, мисс Мюррей, — буркнул он в пустоту кабинета.

За окном моросил дождь. Клейвуд просыпался, натягивая на себя серое одеяло очередного пасмурного утра. А Освальд Уайт, ловкий стратег, мастер распутывать чужие кошмары, сидел в своём кресле и пытался придумать, как провести день с дочерью так, чтобы не наврать ей снова. Однако это была только маленькая часть огромной конструкции, которую он сам же и выстроил вокруг себя. Он потёр переносицу, чувствуя, как привычная тяжесть в висках начинает пульсировать в такт дождю за окном.

Переговорная на втором этаже участка, в дальнем, вылизанном углу для руководства и их визитов, была антиподом кабинета Уайта. Здесь царил стерильный порядок, от которого слезились глаза. Длинный стол из светлого дерева, шесть одинаковых кресел, доска для флип-чарта с девственно-белым листом. Воздух пах тяжёлым дорогим парфюмом, важными решениями и ожиданием. И в эту вакуумную камеру предстояло запустить реактивную смесь.

Первым вошёл Кай Хилл. Безупречный, в свежееотглаженной рубашке и тёмно-синем пиджаке. В руках — не папка, а плоская картонная коробка. Его лицо было привычной маской сдержанности, но в уголках глаз лежало напряжение, которое не стёр даже утренний контрастный душ. Он поставил коробку на край стола и занял место в конце кабинета у окна — позиция, позволяющая контролировать всё пространство. Оттуда было видно и дверь, и каждого сидящего, и даже отражение в стекле.

Следом вплыл Дейв Картер. Он внёс в комнату запах своего одеколона и расслабленной энергии, которой здесь категорически не предполагалось. Увидев Кая, он коротко кивнул.

— Хилл. Слышал, переоформили тебя. Поздравляю. Теперь будешь на нас, простых сержантов, с высока смотреть?

— Буду, Картер, — отозвался Кай, не глядя на него, проверяя что-то на телефоне. — Начну, пожалуй, с тебя.

Картер усмехнулся, плюхнулся на стул слева и откинулся, закинув ногу на колено. Стул жалобно скрипнул, но выдержал.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась рука с бумажным стаканчиком и вишнёвым нечто, которое вот-вот грозило рассыпаться на пол, а следом — вся Мейбл Филдс. Она шла, низко склонив голову над телефоном, на ходу прожёвывая ранее откусанный кусок из пекарни напротив. Утро было паршивым, пирожок — единственным светлым пятном, и она не собиралась им жертвовать ради каких-то формальностей.

Заметив Кая, она машинально махнула ему рукой в знак приветствия — жестом, в котором ещё жил отзвук их старого, панибратского общения. Рука взметнулась сама собой, прежде чем мозг успел включить фильтры. Она не ожидала его здесь увидеть. Совсем. Три месяца.

Первый месяц после дела Смит они ещё как-то держались — даже сходили в кино на «Убийство в „Восточном экспрессе“», как он тогда предлагал. Она весь сеанс комментировала нестыковки, а он делал вид, что это его раздражает, но ни разу не попросил замолчать. Потом, в фойе, сказал что-то про «полосатые носки в темноте кинозала — отвлекающий фактор», и она хохотала до слёз, потому что это было так по-Хилловски — называть её дурацкие носки «отвлекающим фактором». А потом началась академия. Переподготовка, курсы, новые люди. Его сообщения становились короче, суше, а потом и вовсе превратились в набор букв на экране. Она всё ждала, что это временно, что он вернётся и снова будет тем Каем, который ел с ней мороженое в дождь и признавался, что ему больно. Тем, кто однажды спросил её: «Ты в порядке?» — и действительно ждал ответа. Надежда тлела где-то под рёбрами, маленькая, глухая, но живучая.

А теперь он стоял здесь — живой, настоящий, в этом дурацком идеальном пиджаке, и у неё внутри что-то ёкнуло, как старая, но не забытая струна. Ёкнуло — и тут же оборвалось, потому что она вспомнила, во что одета. Мейбл бросила быстрый взгляд на себя: джинсы с пятном от кофе, вчерашним, кажется, свитер, который она стащила с вешалки в темноте, потому что проспала, на голове — не пучок, а нечто среднее между «я художник» и «меня грабили». Она резко опустила руку, которой только что махала, и спрятала её в карман, будто это могло отменить случившееся.

Кай поднял на неё взгляд. Никакой ответной улыбки. Никакого «Привет, Мейбл, рад тебя видеть». Никакого намёка на тот вечер в кинотеатре. Лишь холодная, оценивающая сдержанность. Взгляд, которым он смотрел на новичков или на неудобных свидетелей. На людей, которые не входят в его систему координат.

— В переговорной не едят, Филдс, — сказал он ровным, процедурным тоном.

Мейбл замедлила шаг. Кусок пирога, который она так и не дожевала, застрял где-то в горле, отказываясь лезть дальше. Она с трудом проглотила, чувствуя, как вишнёвая начинка царапает пищевод.

— Извини, не знала, что здесь святая святых, — парировала она, но в её голосе предательски прозвучала оборонительная нота. — А ты, я смотрю, свою традицию нарушил. Где пирог домашний? Давлюсь купленным, а надеялась на твой.

— Приоритеты сменились, — коротко бросил Кай, переводя взгляд на дверь.

Мейбл моргнула. «Приоритеты сменились». Вот оно. Три месяца надежды, три месяца ожидания, три месяца, в течение которых она убеждала себя, что он просто занят, что у него правда много работы, что он вернётся. А он вернулся и смотрит на неё как на постороннюю. Как будто всё, что она сделала, чтобы растопить этот лёд, — просто случайность, не имеющая значения.

«Странно», — подумала она, чувствуя, как внутри разливается холодная, тошнотворная горечь.

Она плюхнулась на свободный стул между Картером и пустым местом, доедая пирог с видом человека, которого вот-вот вырвет.

В этот момент в комнату вошла девушка. Молодая, подтянутая, в строгой блузке и очках в тонкой оправе. Она несла планшет и ноутбук, словно щиты, за которыми можно спрятаться от незнакомого мира. Её взгляд сразу нашёл Кая, и она почти незаметно кивнула ему, заняв место рядом — правильно, почти по стойке «смирно».

Мейбл заметила этот кивок. Короткий, деловой, но в нём читалось что-то, чего она не понимала. Откуда они знают друг друга?

Картер, наблюдавший за всей сценой с ленивым интересом, наклонился к Мейбл и прошептал достаточно громко, чтобы его услышали все, кому не лень:

— Квак, а ты чего такая кислая? Пирожок не удался? Или просто рада нас всех видеть?

Мейбл покосилась на него, пытаясь вернуть хоть каплю самообладания.

— А ты чего такой довольный, Картер? Тебя тоже сюда сослали без права переписки?

— Сослали, — усмехнулся он, разваливаясь ещё больше и положив руку на спинку стула рядом, почти касаясь её плеча. — Но я, в отличие от некоторых, умею извлекать выгоду из любой ссылки. Тут хоть не скучно будет. А то в моём отделе одни отчёты да бумажки.

— Бумажки — это святое, — Мейбл попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Ты бы хоть научился их читать, прежде чем подписывать.

— Ой, Квак, не начинай. Я лучше людей читаю. Например, сейчас я читаю, что ты расстроена. И, кажется, не из-за меня. Я даже ревную. — Он многозначительно посмотрел в сторону Кая.

Мейбл стиснула зубы. «Не лезь», — хотела сказать она, но не успела.

Дверь открылась окончательно, и в комнату вошёл Гарри Харрис. Он не просто зашёл — он заполнил собой пространство. В руках у него была одна-единственная папка. Его добродушное, бородастое лицо обвело комнату оценивающим взглядом, на мгновение задержавшись на Мейбл с её пирогом и на Картере с его развязной позой.

— А-а, — произнёс он своим бархатным баритоном, снимая пиджак и вешая его на спинку стула во главе стола. — Собрались. И даже... перекусили. Отлично. Работа мозга требует калорий. Мисс Филдс, не подавитесь, прошу вас. Картер, вывихните себе что-нибудь в таком положении — больничный за свой счёт.

Его тон был отеческим, но в словах была сталь, закалённая тридцатью годами службы. Картер нехотя убрал руку со спинки стула и выпрямился. Мейбл судорожно сглотнула последний кусок.

— Прошу прощения, сэ, — буркнула она.

— Ничего, ничего, — махнул рукой Харрис, садясь. — Освальд задерживается на пару минут. Пользуясь случаем, хочу представить вам детектива-констебля Софию Чен, нашего нового специалиста по цифровым следам из отдела Regional Cyber Crime Unit. Она здесь первый день, так что не напугайте. И официально поздравляю Кая Хилла с успешным окончанием курса переподготовки и новым назначением.

Кай кивнул, не выражая ни гордости, ни радости. София выпрямилась ещё больше, если это вообще было возможно.

Мейбл посмотрела на неё, потом на Кая, потом снова на неё. «Отдел Regional Cyber Crime Unit. Значит, они вместе учились. Или пересекались. И он ей кивнул. А мне — нет. Интересно, она тоже часть его новых приоритетов?» И тут же внутри неё, где-то под горечью и обидой, всплыла ехидная мысль: «Хоть что-то останется вечным. Картер и его „Квак“ — это навсегда. Можно не волноваться.» Она почти усмехнулась, но вовремя прикусила губу.

Дверь отворилась снова, и на пороге возник Уайт. Он выглядел так, будто только что вынырнул из-под завалов собственного кабинета: волосы всклокочены, галстук ослаблен, в руке — потрёпанная папка, на которой красовалось кофейное пятно. Его взгляд, острый и рассеянный одновременно, скользнул по присутствующим, будто сверяя список. Дыхание было сбитым — он явно бежал по лестнице, потому что лифт, как всегда, не работал.

— Виноват, — пробормотал он, занимая место слева от Харриса. — Прокуратура.

Харрис откашлялся, восстанавливая формальность. Когда Уайт сел, суперинтендант опустил свою грузную руку ему на плечо и чуть сжал. Жест был отеческим, почти покровительственным, но Уайт дёрнулся, будто его коснулись раскалённым железом. Он терпеть не мог, когда его трогали без предупреждения. Особенно когда он пытался отдышаться.

— Итак, коллеги, все в сборе. Отлично. — начал Харрис, положив ладони на стол. Его бархатный голос приобрёл отчётливые, чёткие грани. — С сегодняшнего дня вы все — часть экспериментального подразделения. Благодарите за это... Вот этого энтузиаста.

Он кивнул на Уайта, который всё ещё пытался выровнять дыхание и делал вид, что не заметил тяжёлой руки на своём плече.

— Полное название, как его любят произносить в главном управлении: «Гибридная оперативная группа по расследованию преступлений с цифровой составляющей».

Картер закатил глаза:

— Боже, спаси и сохрани. Гибридная. Звучит как название породы собак.

— Название, согласен, вычурное, — продолжил Харрис, поймав его реакцию краем глаза. — Но за ним стоит простая и страшная правда. Преступность эволюционирует. Сегодня подонки могут ударить тебя ножом в подворотне, а завтра — слить твою жизнь в сеть, даже не вставая с дивана. Они используют технологии. А мы слишком часто бегаем за ними, разрываясь между отделами, теряя время. Наши отчёты расходятся, приоритеты путаются, а негодяи уходят в тень. Этому решили дать конец.

Он обвёл взглядом каждого, делая паузу.

— Ваша группа — станет мостом. Ваша задача — брать дела, где есть и кровь на полу, и цифровой след на сервере. И находить точку, где они пересекаются. Не работать параллельно. Работать вместе.

Харрис продолжил, чеканя каждое слово:

— Руководить оперативной работой и быть моим прямым докладчиком будет детектив-инспектор Уайт. Его мозг и интуиция — ваш компас.

Уайт кивнул, всё ещё пытаясь стереть с лица выражение «я только что бежал марафон».

— Цифровым направлением займётся детектив-сержант Хилл. Его методология и новые знания — ваш ключ для вскрытия данных.

Кай выпрямился, принимая задачу. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на удовлетворение. Наконец-то система обретала форму.

— Детектив-сержант Картер — мускулы, глаза на улице и человек, который знает, как открыть любой рот на нужном перекрёстке.

Картер фыркнул, но промолчал. Его поза стала чуть более собранной — видимо, даже он умел слушать, когда речь шла о деле.

— Мисс Филдс — ваша... ранняя система предупреждения. Голос, который услышит то, что не написано в бумажках.

Мейбл почувствовала, как внутри шевельнулось что-то тёплое. «Ранняя система предупреждения». Харрис умел подбирать слова.

— Констебль Чен — ваши быстрые и точные руки в цифровом мире.

София кивнула, её лицо оставалось бесстрастным, но пальцы чуть крепче сжали планшет.

— А я, — Харрис слегка развёл руками, — я ваш зонтик. Буду прикрывать от бюрократического ливня, выбивать ресурсы и быть последним аргументом, когда вам придётся ломиться в закрытые двери. Всем ясно, куда мы вас бросаем?

В комнате повисла тяжёлая, насыщенная тишина. Мейбл смотрела на свои руки, сжатые на коленях. В груди бушевал странный шторм: щемящая радость от того, что её снова позвали в самое пекло, смешивалась с ледяной, тошнотворной горечью от того, как встретил её Кай.

Хилл не смотрел ни на кого. Его взгляд был устремлён в одну точку на стене — туда, где, видимо, висела его внутренняя доска с задачами. Только внутри него уже чётко и ясно работала новая, усовершенствованная программа: Задача получена. Ресурсы определены. Личные факторы — исключены. Эмоции — помеха. Картер фыркнул, нарушив тишину. Он откинулся на стуле, скрестив руки на мощной груди.

— Экспериментальная группа, говорите? Весело. Ладно, я в игре. Только чтоб бумажной волокиты было поменьше, и чтоб эти ваши «отслеживающие устройства» не мигали, а так — мне эти ваши «гибриды» до лампочки.

Уайт, до сих пор молчавший, поднял глаза от своей потрёпанной папки. Взгляд его был туманным, но в глубине светилась та самая искра, с которой они все были знакомы.

— Картер, не дрейфь. Твою историю браузера мы проверять не будем. Хотя, — он прищурился, — кто его знает.

В комнате на секунду повисла тишина, а затем Картер фыркнул, а Мейбл не смогла сдержать короткий смешок. Даже Кай слегка дрогнул уголком губ. Уайт, не замечая эффекта, открыл папку.

— Первое дело. — Он вытащил из неё фотографию и положил на середину стола. На снимке была улыбающаяся девушка с тёмными кудрями. — Элис Рид. Двадцать один год. Студентка факультета искусств. Пропала без вести позавчера вечером. Обычный сценарий: ушла от подруги, не вернулась, телефон не отвечает. Но есть нюанс.

Он перевёл взгляд на Кая и Софию, и его голос стал суше, техничнее.

— За неделю до исчезновения потерпевшая совершила крупный перевод на неидентифицированный счёт через анонимный криптовалютный кошелёк. Родители дали предварительные показания и подписали согласие на доступ к её цифровым коммуникациям. Они указывают на нового знакомого — мужчину по имени Маркус, с которым у Элис начались близкие отношения за два месяца до инцидента. В этот период они отмечают изменения в поведении дочери: повышенные траты, закрытость, разговоры о «крупном проекте в арт-среде». Высказывают версию о романтическом мошенничестве.

Он сделал паузу, давая цифрам и фактам осесть в сознании команды.

— Однако схема «скама» обычно предполагает дистанционное взаимодействие и минимальные риски. Похищение обманутой жертвы — нетипичная эскалация. Это либо признак личной мести, либо... — Уайт слегка наклонил голову, — либо наш субъект вышел за рамки финансовой выгоды. Мотив может быть иным. Мисс Филдс, это попадает в вашу область.

Мейбл кивнула, уже мысленно проваливаясь в профиль. Девушка с тёмными кудрями. Художница. Романтическое мошенничество. Или что-то другое.

Он закрыл папку резким движением, поставив точку.

— Хилл, констебль Чен — вам цифровой след. Транзакции, метаданные, установление личности «Маркуса» и его связей через все доступные платформы. Картер — глубокая проверка ближайшего окружения Элис, физическая верификация возможных мест её появления, работа с улицей. Филдс — вам поведенческий профиль.

Задание было чётким, как военный приказ. В комнате запахло холодным металлом начинающегося расследования. Уайт встал, словно заседание было исчерпано.

— Отлично. Вперёд. И да, — он добавил, уже направляясь к двери, — Среда. Где пирог, Хилл?

Все взгляды устремились на Кая. Мейбл замерла, боясь дышать. Кай медленно поднялся, подошёл к коробке на краю стола и открыл её. Внутри лежал ровно нарезанный яблочный пирог, от которого потянуло корицей.

— Прошу, — сухо сказал Кай, отодвигая коробку к центру стола. — Традиция есть традиция.

Он произнёс это ровно, безэмоционально, будто читал пункт инструкции. И только когда его взгляд на секунду скользнул по Мейбл, она увидела в нём то, чего не было в словах: пустоту. Ни тепла, ни намёка на прежние «среды». Ничего.

Мейбл смотрела на пирог, и ей казалось, что она видит его впервые. Корица пахла домом, но дом, в который её не приглашали. Она взяла кусок, просто чтобы занять руки, и откусила, не чувствуя вкуса. Яблоки были кислыми. Или это просто у неё во рту всё стало кислым?

Картер уже тянулся к коробке, София вежливо отказалась, Уайт исчез за дверью, Харрис надевал пиджак. А Мейбл сидела и жевала, думая только об одном: «Что с ним случилось? И почему мне так больно, будто я потеряла что-то, чего у меня никогда не было?»

За окном всё так же моросил дождь. Клейвуд просыпался. А «Гибрид» начинал свою первую охоту.

Новый кабинет, выделенный группе, напоминал стерильный бокс в лаборатории. Четыре стола, поставленные квадратом, четыре новых компьютера с чёрными экранами, будто слепыми глазами. Ни пылинки, ни случайной бумажки. Уайт утвердил план расстановки ещё до того, как сюда завезли мебель — он хотел, чтобы пространство работало на коммуникацию, а не против неё. Но в этой хирургической чистоте было что-то пугающее. Словно здесь не работают, а препарировуют. Словно каждый, кто войдёт, должен оставить за дверью всё человеческое — усталость, сомнения, боль, надежду — и превратиться в функцию.

Мейбл вошла сюда с тяжелым сердцем и выпотрошенными нервами, а теперь чувствовала, как стены давят на виски, высасывая последние силы.

София Чен заняла место справа от Кая, как естественное продолжение его рабочего пространства. Она включила компьютер, и её пальцы сразу заскользили по клавиатуре, без разминки, без лишних движений. На её экране множилось окна терминала, строки кода и интерфейсы аналитических программ, которые Кай узнал с курсов.

Кай сел рядом, открыл свой ноутбук и погрузился в тишину, которую нарушал только ровный, негромкий гул системных блоков и быстрые, отрывистые щелчки мыши Софии. Он вызвал на экраны финансовые отчёты, данные от мобильного оператора, начал строить временную шкалу последних недель жизни Элис Рид. Каждое действие было обдуманное, каждое окно на экране занимало строго отведённое место — так он работал всегда. Метод. Структура. Контроль.

Напротив них, через проход, села Мейбл. Её стол казался чужеродным телом, упавшим с неба в этот цифровой рай. На нём моментально появились распечатки переписки Элис с «Марком», её фотографии из соцсетей, цветные стикеры с каракулями. Кто-то другой на её месте попытался бы причесать этот хаос, сделать его похожим на то, что происходит по ту сторону прохода. Разложил бы бумаги по стопкам, спрятал бы стикеры в ящик, извинился бы за беспорядок. Но Мейбл не умела притворяться. Её хаос был честным. Он говорил: «Я здесь. Я так думаю. Я пытаюсь сложить пазл, даже если кусочки не подходят друг к другу».

Она вцепилась в материал, но её обычная энергия куда-то ушла, сменившись сосредоточенной, почти злой тишиной. Она читала, делала пометки в тетради, изредка бросая быстрые взгляды через проход. Туда, где Кай и София говорили на языке, которого она не понимала. Где заумные слова тихо шипели в воздухе, как пар от сухого льда, очерчивая невидимую, но непреодолимую границу.

Мейбл подняла взгляд на Софию — на её идеально прямую спину, на аккуратный пучок, на пальцы, порхающие по клавиатуре, — и внутри неё поднималось что-то тёмное и липкое. Не ревность. Ревность — это когда ты хочешь то, что есть у другого. А это было хуже. Это было чувство, что у тебя вообще ничего нет. Она перевела взгляд на Кая. Он сидел, выпрямив спину, и что-то объяснял Софии, показывая пальцем на экран. Девушка кивала, записывая в свой идеальный блокнот. Их лица были серьёзны, сосредоточены. Они не смотрели на присутствующих. Они вообще, кажется, забыли, что есть еще кто-то, кроме них.

— Чен, проведи перекрёстный анализ транзакций с этого кошелька за последние шесть месяцев. Ищем повторяющиеся алгоритмы, суммы, временные интервалы.

Голос Кая был ровным, деловым, без тени той усталости, которая Мейбл мерещилась в нём утром. Он работал — чисто, эффективно, как машина.

— Уже делаю, сэр. — Голос Софии был тихим, но уверенным. В нём не было подобострастия, только уважение к старшему коллеге. — Есть совпадение с ещё двумя переводами с разных аккаунтов месяц назад. Суммы меньше, но структура похожа. Тот же кошелек-получатель, те же временные метки — около трёх ночи.

— Хорошо. Вытащи все метаданные по тем аккаунтам. Электронная почта, привязанные номера, возможные геолокации в момент перевода.

София кивнула, и её пальцы снова запорхали по клавиатуре.

Они говорили на языке, которого Мейбл не понимала, но смысл ускользал от неё не из-за слов. Смысл ускользал, потому что она была снаружи. Потому что её не позвали внутрь. Потому что между ней и ними была невидимая стена, и стена эта называлась «компетенция». Она смотрела, как София склоняется к монитору, как её губы беззвучно шевелятся, когда она читает код, как Кай коротко кивает, не глядя на неё, полностью погружённый в их общий цифровой поток. И внутри неё всё сжималось от чувства, которое она не могла назвать. Бесполезность. Вот как это называется. Бесполезность.

Картер, получив своё задание, плюхнулся за свой стол, громко вздохнул, покрутил в руке мобильник и, в конце концов, поднялся. Его стул жалобно скрипнул, освободившись от тяжести.

— Ладно, сидеть тут без толку не буду. Пойду пообщаюсь с её «друзьями». Может, кто видел, с кем она тусить любила.

Он бросил взгляд на Мейбл. В его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие — или ей просто показалось?

Картер был последним человеком, от которого она ожидала сочувствия. Их отношения строились на подколах, на «Док Квак», на вечном «ты ничего не понимаешь в реальной жизни». Но сейчас, в этом стерильном аду, его грубоватый взгляд показался ей почти тёплым.

— Эй, Квак. Если у тебя там в этих бумажках выскочит адрес какого-нибудь её любимого кабака — свисти. А то я без тебя заблужусь в этих ваших арт-пространствах.

Мейбл криво усмехнулась. Картер, при всей своей дубоватости, хотя бы замечал, что она существует. Хотя бы делал вид, что она может быть полезна. Это было не много, но в текущих обстоятельствах — всё.

— Свистну, — пообещала она. — Если меня раньше не задушат стерильностью.

Картер хохотнул, хлопнул дверью и исчез, оставив после себя вакуум, который тут же снова заполнился тихим гулом компьютеров и щелчками клавиш.

Мейбл проводила его взглядом и снова устала в распечатки. Элис Рид. Двадцать один год. Художница. Переписка с «Маркусом» была полна пафосных, вычурных фраз, от которых у Мейбл сводило зубы.

«Твои глаза — это заброшенные обсерватории, где я заново открываю созвездия».

Кто так пишет? Кто вообще так разговаривает с живыми людьми? Она вчиталась внимательнее. Там было ещё:

«Мы с тобой — два астероида, летящие к одному солнцу. Наше столкновение породит новую вселенную».

«Связь между нами — это притяжение, пространство для роста».

Мейбл поморщилась. Это было не просто вычурно — это было выучено. Кто-то начался плохой поэзии и решил, что это делает его глубоким. Но в этих фразах не было настоящей боли, настоящего чувства. Они были как трафарет — приложил, и получилась «глубокая личность». Она отложила ручку и потёрла виски. Голова раскалывалась. От недосыпа, от духоты, от этого проклятого стерильного кабинета, от всего сразу. Ей нужно было выдохнуть. Нужно было хоть с кем-то поговорить, хоть кому-то пожаловаться, хоть на секунду перестать быть «ранней системой предупреждения» и снова стать просто Мейбл.

Она взяла телефон, включила фронтальную камеру и, приглушив звук, начала записывать короткое видео, глядя прямо в объектив. Так, как они делали с Айрис раньше — дурачились, посылали друг другу дурацкие ролики, смеялись над идиотами в автобусах и над собственными неудачами.

— Привет, — сказала она шёпотом, стараясь, чтобы голос не разносился по комнате. — Это я. Посмотри на меня.

Она усмехнулась своему отражению — уставшему, с кругами под глазами, с этим дурацким свитером, который она стащила с вешалки в темноте.

— Назовём это видео «Мейб в новом аквариуме».

Она повела телефоном, показывая кабинет. Мониторы, стерильные столы, белые стены.

— Нас сформировали в какую-то важную «супер» группу. День первый. Рыбки все как на подбор: две вот эти, — она наклонила телефон в сторону Кая и Софии, но так, чтобы они не заметили. — Слышишь молчание? Это они так общаются. Телепатия на уровне кода, наверное. Я даже не знаю, завидовать им или бояться, что однажды они заговорят вслух и я ничего не пойму.

Она перевела камеру на пустой стул Картера.

— Картер... ну, Картер есть Картер. Умотал на улицу, сказал, что без меня заблудится. Хотя вряд ли. Он скорее заблудится в собственных отчётах, чем в каком-то районе.

Она снова посмотрела на Кая. Он сидел всё так же прямо, и его профиль чётко вырисовывался на фоне белой стены. Красивый профиль. Она раньше не замечала, до какой степени.

— Инспектор Уайт тоже в деле, но как всегда, в своём репертуаре — бросил нам кость и смылся. Наверное, опять в прокуратуре отчитывается за своё существование.

Она вздохнула, понижая голос до совсем тихого:

— Что? Спросишь, где залпы шампанского? Устрою дома свою личную вечеринку. Бутылка дешёвого вина и я, распутывающая чужие психозы в одиночку. Приходи, если наскучаешься со своим цикламенами. Я даже обещаю не трогать тебя с расспросами. Просто посидим молча, как раньше. Помнишь, как мы умели молчать вместе?

Она запнулась. В горле встал ком. Раньше они действительно умели молчать вместе. А теперь Айрис молчала от неё, и это молчание было совсем другим.

— Ладно, — сказала она, сглатывая. — Всё, ухожу в эфир. Целую.

Она уже собиралась нажать «стоп», когда сзади раздалось:

— Филдс.

Голос Кая прозвучал ровно, без повышения тона, но Мейбл вздрогнула, будто он крикнул. Она резко обернулась, чуть не выронив телефон. Сердце колотилось где-то в горле — от неожиданности, от страха быть пойманной за чем-то «не тем», от дурацкого, иррационального чувства вины. Кай смотрел на неё в упор. В его взгляде не было злости. Не было даже раздражения. Была только холодная, оценивающая констатация факта: она делает что-то не так.

— Личные звонки и видеоблогинг — после работы, — произнёс он тем же плоским, процедурным тоном, которым утром сказал: «В переговорной не едят». — У нас здесь расследование, а не ток-шоу.

Мейбл выключила запись. Пальцы предательски задрожали — от неожиданности, от обиды, от злости на себя за то, что вообще реагирует. За то, что её тело помнит его голос, его запах, его присутствие, а он смотрит на неё как на постороннюю.

— Это не блог, — отрезала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, чтобы он не услышал в нём дрожи. — Это для Айрис.

Наступила короткая пауза. Мейбл чувствовала его взгляд на себе — тяжёлый, оценивающий, сканирующий. Она знала этот взгляд. Только раньше в этом взгляде было что-то ещё. Какая-то искра. Тепло. Теперь — ничего.

София, сидевшая рядом с Каем, замерла, не зная, куда смотреть. Она явно чувствовала себя неловко, оказавшись свидетелем этой сцены, но не могла просто встать и уйти. Её пальцы застыли над клавиатурой, глаза уставились в монитор, но Мейбл видела, что она не работает — она слушает.

— Тогда передайте мисс Мюррей «привет» в письменном виде, — произнёс Кай наконец. — И приступите к работе.

«Приступите к работе». Он даже имя её подруги произнёс с такой официальной сухостью, будто зачитывал протокол. «Мисс Мюррей». Не Айрис. Не та, с кем они вместе сидели над делом и пили отвратительный кофе в кабинете и праздновали её день рождения.

Кай отвернулся к монитору, и через секунду щелчки клавиш за его столом возобновились. Инцидент был исчерпан. Мейбл смотрела на его спину — идеально прямую, обтянутую безупречной рубашкой, — и чувствовала, как внутри закипает что-то тёмное и горькое. Она хотела крикнуть ему вслед что-то обидное, что-то, что пробило бы эту броню. Хотела сказать: «Ты что, забыл? Забыл, как мы сидели на ступеньках? Какими мы были классными партнёрами? Как я дала тебе свой шоколадный батончик, и ты его съел?» Но она ничего не сказала. Потому что знала: это не прозвучит. Он уже закрылся. Он снова стал тем Каем, которого она ненавидела в первые дни.

Она нажала «отправить». Видео ушло. В поле статуса «доставлено» сменилось на «прочитано» спустя несколько секунд. Мейбл смотрела на экран, считая удары сердца. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Через минуту пришёл ответ: «Поздравляю!» и смайлик.

Один смайлик. Одно слово. Безликий, безопасный, ничего не значащий. Мейбл уставилась на экран, и внутри неё что-то оборвалось. Раньше Айрис написала бы что-то тёплое. Спросила бы, как она. Сказала бы, что скучает. Может быть, даже позвонила бы, рискуя быть неудобной, рискуя вылезти из своей раковины. Раньше Айрис была единственным человеком, который понимал её без слов. А теперь — смайлик.

«Она тоже отгораживается, — подумала Мейбл. — Она тоже уходит. Только её стены тихие, а Кая — холодные. Но результат один.»

Она отправила телефон в ящик стола, задвинула его поглубже, будто пряча улику. Она снова взяла распечатки переписки, вчиталась в сообщения «Марка».

«Твои глаза — это заброшенные обсерватории...».

Кого он пытался из себя строить? Нарцисса? Да. Но какого типа? Самоочарованного художника, который верит в свою гениальность? Или хищника, который играет в художника, потому что это работает?

Она подняла голову. Кай и София склонились над одним монитором, обсуждая что-то тихо, почти шёпотом. София что-то показывала пальцем, Кай кивал. Их лица были серьёзны, сосредоточены. Они больше не смотрели на неё. Мейбл сжала ручку так, что она хрустнула.

«Ты же хотела быть в команде, — сказала она себе. — Ты хотела быть полезной. Вот она, полезность.»

— Эй, — хрипло позвала она, нарушая тишину. Голос прозвучал громче, чем она планировала. В нём было что-то отчаянное, что-то, чего она не хотела показывать.

Оба взгляда, снова устремились на неё.

— Что-то успели найти? — спросила Мейбл, стараясь, чтобы голос звучал ровно, профессионально, без той обиженной нотки, которая так и лезла наружу. — Хотя бы намёк на то, кто этот скамщик?

Кай немного помедлил, как будто оценивая, стоит ли тратить время на объяснения. В его глазах мелькнуло что-то — раздражение? Усталость? Желание, чтобы она просто не мешала?

— Работаем с данными, — ответил он сдержанно. — Пока только фрагменты. Анонимные профили, динамические IP, криптографическая защита. Когда будет конкретика — сообщим.

«Сообщим». Как по рации. Как гражданскому лицу, которое не имеет допуска к секретной информации. Как посторонней.

— Мне нужен контекст, — настаивала Мейбл, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. — Чтобы построить профиль, мне нужно видеть не только то, что он пишет, но и как он это делает технически. В какое время выходит в сеть, с каких устройств, как долго сидит в переписке. Это даст мне его режим, его привычки, возможно, его род деятельности. Это даст мне его.

— Мы составим сводку, — парировал Кай, уже возвращаясь к своему экрану. — В положенное время.

София мельком посмотрела на Мейбл. В её взгляде промелькнуло что-то вроде лёгкого сожаления — словно она знала, каково это, когда тебя не замечают, когда ты новенькая и должна доказывать своё право находиться здесь, — но она тут же опустила глаза, следуя примеру старшего. Она была новой, она не имела права вмешиваться. И вообще, её дело — цифры, а не человеческие отношения. Мейбл сжала кулаки. Ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы на коже.

Она вернулась за свой стол, тяжело опустилась на стул и откинулась, уставившись в потолок. Белый, стерильный, идеально ровный. Ни трещинки, ни пятнышка. Как всё здесь.

Она открыла глаза, взяла ручку и снова уставилась в переписку Элис с «Марком».

— Заброшенные обсерватории... — прошептала она себе под нос. — Интересно, а ты сам хоть раз видел настоящие звёзды, клоун?

Ответа не было. Только щелчки клавиш и тихий гул компьютеров.

—

Из здания полиции Мейбл вышла, когда сгустились синие зимние сумерки. Воздух упал колючим, промозглым холодом, пробивающим насквозь. Она закуталась в своё шерстяное пальто в крупную чёрно-белую клетку, накинула на плечи объёмный бордовый шарф, который тут же соскользнул, как непослушный пёс. Она машинально подхватила его, натянула кожаные перчатки — тёмно-коричневые, потёртые на костяшках, точно такие, как носили детективы в её любимых старых фильмах. Тогда эта деталь казалась шиком, ироничным намёком на профессию, которой у неё не было. Теперь это был просто кусок кожи, не греющий пальцы. Она шла, не замечая пути. В ушах всё ещё стоял ровный, методичный стук клавиш из кабинета и сухой, отрезающий голос: «Личные звонки — после работы». Всё было не так. Всё перекопилось. Раньше их команда была клубком проводов — оголённых, искрящихся, иногда бьющих током, но живых. Сейчас Кай превратился в USB-кабель: стандартизированный, холодный, подключающийся только к совместимым устройствам. А она оказалась устаревшим разъёмом.

Она свернула в свой двор, мимо детской площадки, засыпанной рыхлым, грязноватым снегом. И замерла. На горке стоял снеговик. Небольшой, кривоватый, с угольками-глазками и морковкой-носом. Вчера, возвращаясь, она заметила его — трогательный, нелепый признак

жизни — и сфотографировала. Утром поставила на заставку телефона, как талисман простой, нормальной радости. Сейчас этот снеговик смотрел на неё пустыми угольными глазами. В её груди что-то кольнуло — острая, детская обида на весь мир. На Кая, на его холодность, на Софию с её безупречностью, на себя саму за эту беспомощную ярость. Без мысли, на чистом импульсе, она шагнула вперёд и с размаху ударила снеговика ладонью. Голова из мокрого, слежавшегося снега с глухим чмоком отлетела и рассыпалась комьями о борт песочницы. Туловище осело, превратившись в бесформенную грудку. Мейбл стояла, тяжело дыша, смотря на руины.

— Чёрт... — прошипела девушка, потирая запястье.

Дома она скинула пальто, шарф и перчатки, оставив их валяться в коридоре, как трофеи неудавшегося дня. Приготовила себе крепкий чай, не ужинала. Сил не было. Когда в десять вечера на ноутбуке высветился запрос на видео-звонок от «Чеширского Кота», она почти со вздохом облегчения приняла его.

Итан возник на экране в тёплом свете настольной лампы. На нём был простой тёмный свитер, волосы слегка растрёпаны, как будто он только что отложил книгу. Он улыбнулся — не широко, а именно глазами, тем самым живым взглядом, который она запомнила у книжного ларька.

— Мейбл. Ты выглядишь так, будто весь день сражалась с ветряными мельницами. Всё хорошо?

— Празднично, — буркнула она, откидываясь на стуле. — Меня официально зачислили в команду супергероев. Только мой суперсила — раздражать своим присутствием.

— А, — он кивнул, как будто это было глубочайшее наблюдение. — Классика. Система всегда настороженно относится к тем, кто мыслит не по линейке. Особенно если этот кто-то — женщина. Принесла в жертву формальностям ещё один день жизни?

Он говорил легко, без тени фальшивой жалости. Они поговорили о предстоящей выставке, о новом найденном им детективе 30-х, посмеялись над абсурдностью сюжета. На мгновение Мейбл забыла о Кае, о своём бессилии, об уничтоженном снеговике.

А потом, в паузе, Итан вздохнул, и его лицо на экране стало чуть серьёзнее.

— Знаешь, я тут тоже сегодня столкнулся с человеческой... неблагодарностью, что ли. Одна знакомая. Я вкладывал в наш совместный проект время, идеи, даже финансы. А она взяла и вышла из игры. Просто слилась. Даже не объяснившись. Иногда кажется, что люди видят только то, что хотят видеть. Искренность для них — слабость.

Он говорил не жалуясь, с лёгкой, философской горечью. И Мейбл почувствовала острое, почти болезненное созвучие.

— Похоже, у нас сегодня общая тема, — с горечью выдохнула она. — Меня тоже поставили на место. Причём так, будто я не консультант, а назойливая муха. «Личные звонки — после работы». Будто я что-то нарушила.

На экране лицо Итана стало внимательным, сосредоточенным. Он смотрел прямо в камеру.

— А ты и нарушила, Мейбл. Ты нарушила их спокойное, предсказуемое болото. Ты заставляешь их думать, шевелиться, сомневаться в своих прописных истинах. Они не злы. Они напуганы. Твой ум, твоя скорость — это угроза их маленькому, уютному миру. Они пытаются загнать тебя в рамки, чтобы обезвредить.

Его слова падали на благодатную почву её ярости и обиды. Они звучали как откровение. Не она неправа. Её бояться.

— И что делать? — спросила она почти шёпотом.

Итан мягко улыбнулся, и в его улыбке было что-то от старшего брата, дающего жизненный совет.

— Что делают все гении, которых не понимали при жизни? Они не скандалили. Они просто продолжали делать свою работу так блестяще, что игнорировать её стало невозможно. Докажи им. Не словами. Делом.

Он сказал ровно то, что ей хотелось услышать. Что её работа — тоже оружие. Что нужно не подстраиваться, а атаковать. Но своим, особенным путём. Это был не совет друга. Это была инструкция. Точная, попадающая в самую болевую точку её тщеславия и профессиональной гордости.

«Докажи им» — повторила она про себя, и в глазах снова зажёгся знакомый огонёк. Не радостный, а решительный. Холодный.

— Спасибо, Итан, — сказала она уже твёрже. — Ты... попал в точку.

— Всегда рад быть звукоотражающей стеной для блестящего ума, — он снова улыбнулся, и магия лёгкого общения вернулась. — Тогда до воскресенья? Надеюсь, к тому времени у тебя будет уже парочка маленьких, но сокрушительных побед для рассказа.

Они попрощались. Гнев ещё тлел где-то глубоко внутри, но теперь он имел форму, направление. Докажи им. Слова Итана висели в воздухе, как план операции. Она встала, подошла к окну. На площадке внизу в темноте белела бесформенная куча — всё, что осталось от снеговика. Она больше не чувствовала боли, глядя на неё. Только холодную решимость.

Глава 3 Первый след

«Интуиция — это священный дар, а рациональный ум — верный слуга. Мы создали общество, которое чтит слугу и забыло о даре.»

Альберт Эйнштейн

Утро началось с пустоты. Стерильная тишина нового кабинета встретила Мейбл лишь ровным гулом системных блоков. Столы Кая и Софии были пусты, но на её месте, словно в насмешку, лежала свежая распечатка. Кай, уходя поздно вечером, оставил ей «сводку» — результат вчерашней работы, который обещал предоставить «в положенное время».

Она смотрела на аккуратно сложенный лист, и внутри поднималась глухая, тяжёлая волна. Не благодарность — горечь. «В положенное время» наступило утром, когда в кабинете никого не было. Он не захотел говорить с ней лично. Не захотел смотреть в глаза. Просто оставил бумажку, как секретарше. Мейбл взяла распечатку, пробежалась глазами по ровным строчкам, отпечатанным идеальным шрифтом. Документ включал в себя:

1. Цифровой след переводов: Установлен конечный бенефициар. Деньги Элис Рид ушли не на частный счёт, а на краудфандинговую кампанию «Антология Аонид. Поэтический проект нового ренессанса». Кампания активна.

2. Распознавание шаблонов: За последние восемь месяцев на этот же проект поступали аналогичные переводы с трёх других анонимных кошельков. Суммы меньше, но временной интервал между первым контактом «Маркус» он же «Марк» с жертвой и финальным переводом одинаков — 10-12 недель. Это указывает на отработанный сценарий.

3. Анализ коммуникаций (извлечено из телефона Элис): Переписка с аккаунтом «Марк». Метаданные показывают систематичность: сообщения отправлялись строго в вечерние часы (20:00-23:00), что указывает на преднамеренный ритуал, а не спонтанное общение. За неделю до исчезновения зафиксировано пять входящих звонков с номеров, использующих технологию одноразовой маскировки. Длительность каждого — от 12 до 20 минут.

5. Предварительный вывод: «Марк» — не частное лицо, а оператор/часть организованной схемы по выманиванию денег под видом творческого сотрудничества. Проводится работа по установлению личности через цепочку кошельков и идентификацию.

К.Д. Хилл.»

Мейбл перечитала документ дважды. Трижды. Четырежды.

«Антология Аонид». Слова ударили в память, как молоток по натянутой струне. Не только потому, что она сейчас их прочла. Они отзывались глухим эхом из другого места — из того самого синего корешка папки, что ей когда-то швырнул Картер. Дело Дафны Уилсон. Самоубийство. Строчка из финансового отчёта, которая врезалась в мозг тогда и теперь проступила сквозь пелену усталости, будто проявленная фотография. В сознании с оглушительным треском сошлись две параллельные линии. Две молодые женщины. Одна мёртва, другая пропала. Один и тот же призрачный «поэтический проект». Команда Кая видела в нём лишь конечную цифровую точку, узел в сети мошенничества. Но для Мейбл это был почерк. Не просто схема, а сигнатура. То, как пишут убийцы, когда думают, что их никто не видит.

Ей срочно нужна была полная папка по Дафне Уилсон. Со всеми деталями. Со всеми «несостыковками», которые она тогда заметила. Со всеми доказательствами того, что это не совпадение, а система.

— Картер. — Произнесла девушка, откладывая сухую «сводку» в сторону.

Она знала, где его искать, когда его нет на рабочем месте. Мейбл вылетела из кабинета, и её ноги сами понесли её по знакомому маршруту.

Кафетерий. Пусто. Только буфетчица лениво протирает стойку и пара посетителей. Картера нет. Уборная на втором этаже. Она приоткрыла дверь, прислушалась. Гул воды, чей-то кашель, но не его грубый, раскатистый голос. Нет. Курилка на лестничной клетке. Мейбл ворвалась туда, надеясь застать его с сигаретой, но нашла только двух констеблей из дорожной полиции, которые уставились на неё с недоумением. Она вылетела обратно, даже не извинившись. Сердце колотилось. Время уходило. Каждая минута, потраченная на поиски, приближала момент, когда Кай и София вернутся и продолжат свою цифровую охоту, а она останется с пустыми руками. И тут её осенило. Кабинет Уайта. Там, в этом священном хаосе, Уайт любил нагружать провинившихся самой нудной, самой бессмысленной работой. Разбор архивов. Классификация дел. То, от чего у любого нормального человека глаза на лоб лезут. Картер вчера опоздал на вечерний брифинг, опоздал с отчётом и вообще вёл себя как слон в посудной лавке. Уайт не мог оставить это без последствий. Она рванула к кабинету Освальда, почти срываясь на бег. В голове пульсировала одна мысль: только бы он был там, только бы не ушёл, только бы...

Кабинет Уайта был открыт. Мейбл, не стуча, заглянула внутрь, тяжело дыша после пробежки по лестнице. Картер стоял посреди комнаты, как приговорённый к казни, держа в руках две огромные, пыльные папки, из которых торчали пожелтевшие листы. Его лицо выражало такую степень страдания, будто его заставляли переписывать от руки «Войну и мир». Уайт сидел за своим столом, погружённый в чтение документа, и лишь изредка указывал пальцем на очередную стопку бумаг в углу. Видимо, это и было его изошрённое наказание — заставить Картера разбирать архивные завалы. Работа для пылесоса, не для живого человека.

Дейв заметил её первой. В его глазах вспыхнула надежда на спасение от этой пыльной казни — такая отчаянная, что Мейбл на секунду даже стало его жаль. Но, увидев её лицо, надежда сменилась настороженностью. Он слишком хорошо знал: если Мейбл Филдс ищет его с таким выражением, значит, либо случилось что-то очень плохое, либо сейчас случится. Уайт поднял взгляд от документов. Его глаза — уставшие, но по-прежнему острые, — скользнули по Мейбл, отмечая сбитое дыхание, взъерошенные волосы, нервный блеск в глазах. Он не спрашивал, почему она не постучалась. Он просто ждал.

Мейбл сделала глубокий вдох, пытаясь унять сердцебиение. С Уайтом нельзя было говорить на бегу. С ним вообще нельзя было говорить, не подумав.

— Мисс Филдс? — его голос звучал ровно, без тени раздражения, но с той особенной интонацией, которая означала: «Я слушаю, и советую тебе сказать что-то важное». — Что-то срочное?

— Сэр, прошу прощения за вторжение, — сказала Мейбл, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она шагнула внутрь, но держалась у двери — так, чтобы не нарушать его территорию, но и не уходить. — Это...я к сержанту Картеру. Срочное, по... текущему делу. По поводу одного адреса.

Она позволила себе легкую, едва заметную улыбку. Ту самую, которой обычно пользовалась, когда нужно было что-то получить от мужчин, не давая им повода думать, что она что-то даёт.

Уайт нахмурился, изучая её. Он не был дураком. Он видел, что она что-то задумала. Но в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на одобрение. Ему нравились люди, которые умели играть. Особенно когда они играли не против него, а заодно.

Картер, поймав шанс, немедленно отреагировал. Он отложил папки с такой поспешностью, будто они жгли ему руки.

— Ага, точно, я же просил её проверить тот момент, — выпалил он, даже не зная, о каком «моменте» идёт речь. — Это займёт минуту, сэр. По делу Рид. Совсем немного, я быстро.

Уайт перевёл взгляд на Картера. На секунду Мейбл показалось, что он сейчас скажет: «Сядь на место, сержант, и не делай из меня дурака». Но Уайт лишь слегка качнул головой — то ли соглашаясь, то ли удивляясь собственной мягкости.

— Идите, — коротко бросил он и снова погрузился в документы.

Картер рванул к двери, едва не споткнувшись о стопку бумаг. Мейбл посторонилась, пропуская его, и уже собралась уходить, когда голос Уайта остановил её:

— Мисс Филдс.

Она замерла. Обернулась.

Уайт смотрел на неё поверх очков, и в его взгляде не было ни насмешки, ни подозрения. Было что-то другое — усталое, но тёплое.

— Удачи, — сказал он тихо, чтобы Картер не услышал. — И, Мейбл... не дайте ему всё испортить.

Она моргнула, не ожидая. Потом улыбнулась — уже не лисьей, а настоящей, короткой улыбкой.

— Постараюсь, сэр.

И выскользнула за дверь.

Как только они вышли в коридор и Мейбл прикрыла дверь, Картер обернулся к ней, и его лицо исказила гримаса раздражения. Спасение от пыточной разборкой архивов обернулось новой угрозой, и он это чувствовал.

— Ну, Квак? — прошипел он, понижая голос, но не скрывая злости. — Какой ещё адрес? Если ты меня отвлекла от самой скучной смерти в моей жизни, чтобы пожаловаться на свои цветные носочки или рассказать, как Хилл на тебя не смотрит, я тебя придушу. Прямо здесь. И скажу Уайту, что ты сама напросилась.

— «Антология Аонид», — выпалила Мейбл шёпотом, перебивая его.

Она шагнула ближе, загораживая его от случайных прохожих, от камер, от всего мира. Сейчас существовали только они, этот коридор и та папка, которую он «выбросил».

— Проект, на который переводила деньги Элис Рид. Тот самый, что был в деле Дафны Уилсон. Ты читал сводку Хилла? Ничего не смутило?

Все признаки неприязни мгновенно смылись с лица Картера. Сначала там появилось непонимание — он явно пытался вспомнить, о ком она говорит. Потом — узнавание. А затем — холодная, животная паника, которая заставила его оглянуться на дверь кабинета Уайта, будто оттуда мог вылететь огненный шар и испепелить его на месте.

— Ты о чём? — прошипел он, хватая её за руку и оттаскивая к стене. — То дело вообще не наше было! Я просто помогал коронеру, они просили глянуть со стороны психологии, для галочки! Оно даже не в нашем архиве, оно в муниципальном хранилище! Я его в глаза больше не видел!

— А теперь оно наше, — парировала Мейбл, высвобождая руку и не отступая ни на шаг. — Потому что у нас вторая жертва, и та же схема. Элис пропала. Дафна мертва. Один и тот же поэтический проект. Один и тот же почерк.

Картер смотрел на неё, и Мейбл видела, как в его глазах бушует буря: злость на неё за то, что втянула, страх перед Уайтом, ненависть к себе за то, что прозевал, и отчаянное желание выкрутиться любой ценой.

— Если мы сейчас не поднимем полное дело Уилсон и не найдём связь, — продолжила Мейбл, чеканя каждое слово, — а она там есть, я уверена. И если Уайт узнает, что ты проигнорировал несостыковки, которые я тебе тогда показывала, и даже не проверил...

Она сделала выразительную паузу, глядя, как он бледнеет. Его рука, всё ещё сжимавшая её запястье, ослабла.

— Как думаешь, что будет с твоей карьерой, детектив-мускулы?

Картер сглотнул. Кадык дёрнулся. Его взгляд метнулся по коридору, будто ища выход, который вдруг исчез.

— Чёрт... Ты... ты хочешь меня подставить? — выдавил он, и в его голосе впервые проскользнуло что-то, похожее на растерянность. — Ты специально это придержала, чтобы теперь...

— Я хочу, чтобы ты достал это дело, — перебила Мейбл жёстко, без тени прежней улыбки. — Сейчас. Пока Уайт не понял, что к чему. Пока Хилл не ушёл слишком далеко по своему цифровому следу и не упёрся в стену.

Она приблизилась почти вплотную, понижая голос до интимного, заговорщицкого шёпота:

— Мы поднимаем папку. Я нахожу связь. Мы идём с этим к Хиллу вместе. Ты — сержант, который проявил инициативу и вспомнил про старый случай. Ты — герой, который связал два дела, пока все копались в цифре. Я — гений, который сложил два плюс два. Все в выигрыше.

Она отступила на шаг, давая ему возможность переварить.

— Иначе... — она пожала плечами с деланной лёгкостью. — Иначе я возвращаюсь в кабинет и говорю Уайту, что ты похоронил ключевую улику. И, знаешь, я даже не совру. Потому что ты действительно её похоронил. Просто тогда ещё никто не знал, что она ключевая.

Картер смотрел на неё, и Мейбл видела, как в нём идёт внутренняя борьба. Злость, ненависть, желание послать её куда подальше — и холодный, расчётливый страх. Страх пересилил.

— Где оно? — сквозь зубы выдавил он.

— Ты сказал — не в нашем архиве. Значит, в отделе коронеров или в общем хранилище. Но у тебя, как у того, кто с ним работал, должен быть доступ или, на худой конец, знакомый, который его достанет. Срочно. Живо. Бегом.

Картер зажмурился на секунду, словно молясь о терпении. Или о том, чтобы она исчезла.

— Чёрт поberi, Квак... — выдохнул он. — Ладно. Ладно! Сиди за своим столом и не отсвечивай. Я что-нибудь придумаю. Но если ты хоть словечко Уайту, хоть намёк, что я...

— Мы в одной лодке, Картер, — холодно сказала Мейбл, глядя ему прямо в глаза. — Плыви.

Он бросил на неё последний взгляд, полный немой угрозы, развернулся и зашагал прочь — уже не в кабинет Уайта, а в сторону лестницы, на ходу доставая телефон и набирая кого-то из своих многочисленных «нужных людей». Мейбл осталась стоять в пустом коридоре, прильнув к прохладной стене. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы дрожали.

«Сработало, — подумала она. — Боже, это сработало.»

Она вернулась в кабинет. Столы Кая и Софии всё ещё пустовали. Мониторы спали, погасив экраны. Тишина стояла такая плотная, что, казалось, её можно было резать ножом.

Мейбл села за свой стол, уставилась на распечатку от Кая. «Антология Аонид». Слова плясали перед глазами.

«Я сделала это, — подумала она. — Я нашла связь, которую они все пропустили. Я, со своим дурацким дипломом и полосатыми носками. Я, «шум», «помеха», «ранняя система предупреждения.»

Она улыбнулась своим мыслям. Той самой улыбкой, которой улыбаются, когда никто не видит, — самодовольной, тёплой, чуть-чуть удивлённой собственным успехом.

«Айрис бы мной гордилась, — мелькнуло в голове. — Если бы она вообще сейчас на что-то реагировала.» Улыбка сползла.

Она попыталась заняться делом. Разложила перед собой распечатки переписки Элис с «Марком», открыла чистую страницу в блокноте, попробовала набросать профиль. Но мысли разбегались. В голове было пусто и одновременно тесно от ожидания. Она встала, прошлась по кабинету. Семь шагов в одну сторону, семь в другую. Села. Встала снова. Подошла к окну, посмотрела на серое небо, на редкие капли дождя, вместо снега стекающие по стеклу. Верну-

лась к столу. Покрутила ручку. Открыла телефон — новых сообщений не было. Она поймала себя на том, что в голову лезут воспоминания. Не про Кая, не про Айрис — про отца. Ей было лет десять, они сидели на кухне, и она с восторгом рассказывала, как раскусила одноклассника, который врал про свои оценки. Как она поняла по его глазам, что он врёт, хотя все вокруг верили.

Отец отложил газету и посмотрел на неё холодно, как на чужую.

— Ты опять лезешь не в своё дело, — сказал он. — Это называется «быть умной»? Это называется быть навязчивой. Люди не любят, когда их видят насквозь. Запомни это.

Мать, мывшая посуду у раковины, обернулась и тихо сказала:

— Она просто наблюдательная, Метью. Это не преступление.

— Наблюдательность — да. А вот желание всем тыкать в их ошибки — нет.

Мейбл тогда ничего не ответила. Просто ушла в свою комнату и долго смотрела в потолок, думая: почему быть правой — это плохо? Сейчас, стоя в кабинете и глядя на пустые столы цифровых гениев, она вспомнила этот взгляд отца. Холодный, осуждающий. И поняла: она всю жизнь доказывает, что быть правой — это нормально. Что видеть то, что не видят другие, — это дар, а не проклятие.

«И сейчас я снова права», — подумала она. — «И плевать, что обо мне думают Хилл со своим кодом и Картер со своими мускулами. Я права.»

Она села за стол Картера. Нет, не села — плюхнулась в его кресло, которое жалобно скрипнуло под ней. Его «рабочее пространство» представляло собой хаотичное нагромождение бумаг, пустой кофейной кружки с засохшими разводами на дне и пачки жвачки, располовиненной напополам. Всё честно, всё по-человечески. Никакой стерильности. Сверху лежал список для проверки по делу Элис Рид. Мейбл быстро пробежалась по нему глазами. Большинство имён были отмечены галочками — «опрошены», «алиби подтверждено», «информации нет». Кто-то из констеблей поработал добросовестно, но без души. И вдруг её взгляд зацепился за строчку вверху. Написано было от руки, карандашом, кривыми корявыми буквами — явно сам Картер добавил, когда составлял план.

«Сильвия Стэнхоуп — соседка по комнате, подруга».

И напротив — жирная пометка: *«Не опрошена. Запланированное время — 14:00». Дата — сегодня.*

Сердце Мейбл пропустило удар. Команда Картера ещё не добралась до свидетельницы. Он запланировал опрос на два часа дня, но сейчас было только одиннадцать утра. Три часа форы. Три часа, которые можно использовать. Она вскочила с кресла, подбежала к своему столу, схватила блокнот, ручку, удостоверение консультанта, которое до сих пор казалось ей игрушечным и ненастоящим. Сунула всё в сумку, накинула пальто.

«Если я пойду сейчас, — думала она, застёгивая пуговицы дрожащими пальцами, — я успею до официального опроса. Успею поговорить с ней без протокола, без казённых вопросов, без констеблей за спиной. Она расскажет мне то, что не расскажет им. Потому что я умею слушать. Потому что это моя территория.»

Адреналин сладко звенел в крови. Она уже представляла, как найдёт этот адрес, как сядет напротив Сильвии, как та начнёт говорить — сначала настороженно, потом доверчиво, потом выплёскивая всё, что знает.

Она почти бежала к выходу, когда в кармане завибрировал телефон. Мейбл достала его на ходу, мельком глянула на экран.

Хилл: «Где вы, Филдс? У нас новые данные по делу. Нужно обсудить до обеда.»

Она смотрела на сообщение и чувствовала, как внутри всё сжимается от противоречия. «Потом, — подумала она, выбегая на улицу под мелкий, противный дождь. — Всё потом. Сначала — дело.»

Дождь хлестал по лицу, но Мейбл не замечала. Она ловила такси. Адреналин нёс её вперёд, заглушая голос разума, который шептал: «Ты снова лезешь без спроса. Ты можешь всё испортить». Но другой голос, тот самый, который когда-то шепнул ей, как разговаривать Сюзен Смит, сейчас кричал: «Ты права. Ты видишь то, что не видят они. Иди и докажи это». Она поймала машину, назвала адрес и откинулась на сиденье, чувствуя, как колотится сердце.

Квартира Сильвии Стэнхоуп находилась в студенческом квартале, в кирпичном здании, пахнущем старой штукатуркой и дешёвой едой на вынос. Мейбл стояла перед дверью уже целую минуту, собираясь с духом, и внезапно почувствовала, как её прошибает холодный пот. Не от страха. Нет, страха не было. Был страх, когда в студенчестве она залезла в чужой дом без спроса, когда иногда врала полицейским, когда провоцировала районных шарлатанов и маньячку на исповедь. Это было знакомо, это было её стихией. А это было другое. Осознание момента. Она сейчас перейдёт ещё одну черту. Представится. Официально. Как полноценный сотрудник. Не как «подруга подруги», не как «волонтёр», не как «социальный работник» с творческой интерпретацией фактов. А по-настоящему.

«Странно, — подумала она, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Врать, представляясь кем угодно было легко. А сказать правду — тяжело.»

Она всегда умела притворяться. В школе притворялась, что её не задевают насмешки одноклассников. Дома притворялась, что не слышит, как отец называет её увлечения «глупостями». В университете притворялась уверенной в себе, хотя внутри всё дрожало перед экзаменами. Притворство было её второй кожей, защитным костюмом. А сейчас ей предстояло снять этот костюм. Предстать перед чужим человеком в своём настоящем качестве — и надеяться, что этого достаточно.

Она глубоко вздохнула, поправила воротник пальто — дурацкий жест, она никогда не поправляла воротник, — и постучала. Дверь открылась почти сразу, будто за ней стояли и ждали. Но ждали не её. Девушка лет двадцати, с заплаканными, красными глазами и растрёпанными волосами, смотрела на Мейбл с надеждой и ужасом одновременно. Она выглядела так, будто не спала с момента исчезновения Элис — осунувшаяся, бледная, с тёмными кругами под глазами, которые не скрыть никаким тональником. В руках она комкала бумажный платок, уже мокрый и разваливающийся на части.

— Да? — голос Сильвии был хриплым, сорванным то ли от слёз, то ли от молчания.

— Здравствуйте. Меня зовут Мейбл Филдс. Я...

Мейбл замаялась. На секунду потеряла дар речи. Язык прилип к нёбу, слова рассыпались.

— Я консультант по поведенческому анализу при полиции, — выпалила она на одном дыхании, будто прыгала в холодную воду. — Работаю по делу об исчезновении вашей подружки Элис Рид. Могу я задать вам несколько вопросов?

Слова прозвучали неестественно громко и формально. Даже в её собственных ушах они отдавали фальшью, будто она читала роль в плохом любительском спектакле.

Сильвия уставилась на удостоверение, которое Мейбл протянула ей дрожащей рукой. Рассмотрела его внимательно, с какой-то болезненной медлительностью. Потом перевела взгляд на лицо Мейбл. Оглядела её с ног до головы — от растрёпанных кудрей, которые не спасал никакой капюшон, до стоптанных ботинок, в которых Мейбл бегала по всему городу. На лице Сильвии отразилось сначала удивление, потом недоверие, потом какая-то усталая, безнадёжная усмешка.

— Консультант? — переспросила она. — То есть... вы не детектив?

— Я работаю с детективами, — уклончиво ответила Мейбл, чувствуя, как краснеют щёки. — Поведенческий анализ. Помогаем составлять профиль.

Сильвия продолжала смотреть на неё с тем же выражением — смесью надежды и разочарования.

— Они уже что-то нашли? — спросила она тихо. — С ней всё в порядке? Её... её нашли?

В её голосе дрожала такая отчаянная мольба, что у Мейбл сжалось сердце. Она знала этот тон. Так спрашивают, когда уже знают ответ, но боятся его услышать.

— Расследование активно ведётся, — сказала Мейбл как можно мягче. — Нам очень важна любая информация, которую вы можете дать. Особенно о человеке, с которым она общалась в последнее время. О Марке... Маркусе.

Сильвия кивнула, отступила в сторону, пропуская её внутрь. Но прежде чем закрыть дверь, она ещё раз оглядела Мейбл — теперь уже не с недоверием, а с какой-то странной, горькой иронией.

— Я думала, приедут... нормальные полицейские, — тихо сказала она, закрывая дверь. — Хотя бы сообщить, что её нашли. Живую или... ну, вы понимаете. А вы... вы похожи на студентку нашего факультета.

«Ну, спасибо», — мысленно огрызнулась Мейбл. Фраза «нормальные полицейские» обожгла, как пощёчина. Но она лишь кивнула, доставая блокнот. Не время для обид.

Квартира была маленькой — типичная студенческая двушка, где на тридцати квадратных метрах умещается вся жизнь. Стены в коридоре увешаны постерами старых фильмов и репродукциями картин, которые, судя по пыли, никто не снимал годами. В прихожей громоздилась гора обуви — кеды, ботинки, балетки, перепутанные, чужие и свои, будто их наскоро скинули в спешке и больше никогда не разбирали. Гостиная, куда Сильвия провела Мейбл, была завалена учебниками и одеждой, но в этом беспорядке чувствовалась не лень, а замершая в ожидании жизнь. На диване лежал свитер — большой, мягкий, явно не Сильвии. Мейбл сразу поняла: Элис. Он лежал так, будто его только вчера сняли и бросили, не думая, что хозяйка может не вернуться. На стене висела пробковая доска, забитая фотографиями, билетами в кино, открытками и вырезками. Две девушки — Сильвия и Элис — смеялись в обнимку на фоне моря, дурачились в парке, позировали с мороженым. Обычная жизнь. Которая вдруг остановилась.

Сильвия села на край стула, подобрала под себя ноги, и принялась теребить край своего домашнего костюма. Мейбл опустилась на диван напротив, стараясь не смотреть на свитер, но чувствуя его присутствие краем глаза.

— Расскажите о Марке, — начала она, открывая блокнот. — Как они познакомились? Что он из себя представлял?

Сильвия пожала плечами, не поднимая глаз.

— Через интернет. В какой-то группе по искусству. Элис вечно там сидела, искала единомышленников. Говорила, что в универе одни позёры.

— И что он говорил? Как очаровал её?

Сильвия вздохнула, глядя в окно. За стеклом моросил дождь, серый, бесконечный, как её ожидание.

— Он... он не был похож на других. Не приставал с глупостями, не слал дурацкие смайлики и не звал сразу в кино. Он говорил об искусстве так, будто это его родной язык. Цитировал каких-то философов, поэтов... не тех, что мы проходим в университете. Что-то сложное, странное. Элис была в восторге. Говорила, что наконец-то встретила родственную душу.

Мейбл кивнула, записывая. «Родственная душа». Классика. Все манипуляторы начинают с этого.

— Можете вспомнить какие-то конкретные фразы? Цитаты? Имена? — спросила она, чувствуя, как внутри загорается знакомый, охотничий азарт.

Распечатки переписки, которые она видела у Кая, были сухими — общие, хоть и странные для обычного человека фразы, ничего личного. Но если «Марк» действительно был тем, кем

казался, если он действительно играл в интеллектуала, он должен был проколоться на деталях. На тех самых уникальных, эзотерических деталях, которые не выловить цифровым анализом.

Сильвия нахмурилась, напрягая память. Её пальцы сильнее сжали край кардигана.

— Имена... не помню. Какие-то странные, я даже не запоминала. А вот фразы... однажды он прислал ей что-то вроде: «Ты — живое опровержение энтропии в этом мире холодных форм».

Мейбл замерла с ручкой в воздухе.

— Что?

— «Живое опровержение энтропии», — повторила Сильвия. — Меня аж в дрожь пробило, когда она прочитала вслух. Такой... пафосный, странный. А Элис распечатала и приклеила над столом. Сами посмотрите. Сказала, что это самое прекрасное, что ей говорили.

Мейбл быстро записала. «Энтропия». Не самое частое слово в арсенале уличных подцепщиков.

— А ещё? Что-нибудь ещё?

— Ещё... — Сильвия замолчала, будто ловя ускользающую мысль. — Однажды он написал что-то про «сад». Не настоящий, а... литературный. Сказал, что она похожа на героиню из какой-то старой книги. Она потом искала эту книгу, но не нашла.

Мейбл перестала писать. Внутри что-то щёлкнуло.

— Книги? Вы помните название?

— Нет.

— Она показывала вам переписку? Может где-то сохранилось название?

— Нет, не в переписке... — Сильвия покачала головой. — Они потом перешли на другой мессенджер. Я такой не знаю, там всё само исчезало после прочтения. Элис говорила, что он очень осторожен, что их творческий диалог — это что-то священное, что не должно быть доступно чужим глазам.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Или... подождите. Кажется, она упоминала, что он иногда звонил ей. По голосовой связи. Через интернет. И там он мог такое говорить. Эти красивые, сложные фразы. Как будто читал ей лекции или стихи. «Сад изваяний» — это он точно в одном из таких разговоров упомянул. Я слышала. Да! Точно! «Сад изваяний». Так называлась книга.

Сильвия оживилась, впервые за весь разговор.

— Она потом пересказывала мне: «Представляешь, он сравнил меня с героиней из «Сада изваяний». Я даже не знала, что такая книга есть!» И правда не знала. Мы потом вместе искали — ни в интернете, ничего. Только какие-то старые упоминания, что это был модернистский роман, его почти не издавали.

Мейбл аккуратно вывела в блокноте:

«Сад изваяний» — забытый модернистский роман. Литературный референс. Упомянута в звонках/зашифрованном мессенджере. Почти не издавался.

Её пальцы слегка дрожали. Вот почему этого не было в материалах Кая. «Марк» был осторожен. Текстовые переписки в обычных мессенджерах были безопасны, полны общих фраз, поверхностных комплиментов. А настоящие, уникальные детали — ключи к его личности, к его самовосприятию — он доверял только голосу или зашифрованным каналам. Это была не просто деталь. Это была находка.

— И больше ничего не помните об этой книге? — спросила Мейбл, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Автора? О чём она?

— Нет... Она... она потом пыталась найти текст, но он был только в каких-то специализированных библиотеках. Кажется, это была какая-то неудачная книга. Тираж разошелся, а потом забыли.

Мейбл кивнула, записывая. В голове уже крутился план: нужно найти информацию об этом романе. Установить автора, контекст. Понять, почему именно он стал отсылкой для «Марка». Это могло быть ключом к его самовосприятию — а значит, и к слабым местам.

Она задала ещё несколько вопросов — о том, как менялось настроение Элис (становилась всё более замкнутой, всё реже выходила из комнаты), о крупных суммах (Сильвия подтвердила: Элис брала деньги у родителей под предлогом «инвестиции в творческий проект»), о возможных встречах (они были — Элис пару раз уезжала на выходные, говорила, что к Марку, но куда именно — не рассказывала). Каждый ответ укреплял картину: продуманный, терпеливый манипулятор, использующий интеллектуальную уязвимость жертвы, а не только её чувства. Он не просто охотился на одиноких девушек — он охотился на тех, кто считал себя особенным, кто жаждал признания своей глубины.

Выходя из квартиры, Мейбл чувствовала странную смесь триумфа и тягостной опустошённости. Она сделала это. Получила нить, которую, возможно, никогда не вытянули бы на стандартном допросе. Ниточку, которая вела в лабиринт, где прятался «Марк». Она спускалась по лестнице, прокручивая в голове название «Сад изваяний», строя гипотезы об авторе, о смыслах, о том, почему именно эта книга стала для него знаковой. Мысли неслись вскачь, обгоняя друг друга. Она уже представляла, как вернётся в отдел, как бросит эту находку на стол Каю, как посмотрит на его лицо, когда он поймёт, что она нашла то, что не смогли найти его алгоритмы.

Она так увлеклась, что не заметила чёрный служебный автомобиль, только что припаркованный у подъезда. Из него вышли двое мужчин. Обычная одежда — джинсы, куртки, никакой формы. Но та самая выправка, тот самый оценивающий взгляд, который не спутаешь ни с чем. Полицейские. Не констебли в форме — оперативники. Люди Картера. Молодой констебль с короткой стрижкой, выходя из машины, поднял голову и встретился с ней взглядом. Мейбл замерла на крыльце, как кролик перед удавом. Бежать было поздно. Прятаться — глупо. Его глаза скользнули по ней, по блокноту в её руке, потом перевели взгляд на дверь подъезда, из которого она только что вышла. На его лице отразилось сначала удивление — явно не ожидал увидеть здесь гражданского консультанта без предупреждения, — затем холодное, безошибочное понимание. Он узнал её. Или, по крайней мере, понял, что она здесь делает. Мейбл инстинктивно прижала блокнот к груди, будто это могло защитить её от неминуемых вопросов. Сделала вид, что не замечает их — смотрит в сторону, ищет что-то в сумке, проверяет телефон. И быстро, насколько позволяло достоинство, зашагала в сторону остановки. Она чувствовала их взгляды на своей спине, будто раскалённые иглы. Каждый шаг отдавался в висках.

«Не оглядывайся, — приказала она себе. — Не оглядывайся, не ускоряй шаг, не показывай, что тебе есть что скрывать.»

Мейбл свернула за угол, перевела дух и только тогда позволила себе остановиться, прислонившись к стене какого-то магазина. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за километр.

— Ну и ладно, — прошептала она, глядя на блокнот в своих руках. — Ну и пусть. У меня есть нить. А у них — только мания величия.

Она поймала такси, назвала адрес участка и откинулась на сиденье, чувствуя, как адреналин медленно отпускает.

Коридор от лифта до их нового отдела был длинным, безликим туннелем из светло-бежевой краски и линолеума, пахнущим старым кофе и тоской. Это был не первый этаж, где обитали консультанты, диспетчеры и прочий мелкий люд, чьё существование едва замечали. И не четвёртый — святая святых, где восседал Освальд Уайт со своим бардаком, где позже прикрепили Картера и где когда-то она и Айрис ночами просиживали над делом Смит, чувствуя себя

частью чего-то важного. Третий этаж. Самый удалённый угол полицейского участка. Ничья земля. Место, куда ссылают экспериментальные группы, чтобы не мозолили глаза начальству. Здесь даже воздух был другим — застоявшимся, будто его никто не проветривали с момента постройки здания.

Мейбл шла по этому коридору, ощущая в кармане пальто блокнот, будто раскалённый слиток. Тяжёлый, жгучий, нестерпимо ценный. В ушах всё ещё звенел голос Сильвии: «Сад изваяний... он сравнил меня с героиней...» Это было не просто название. Это был ключ. Отмычка к голове человека, который играл с чужими жизнями, как с шахматными фигурами. Ей не терпелось ворваться в кабинет. Она уже почти дошла до двери, как из ниши у автомата с водой возникла широкая, сторбленная фигура. Дейв Картер.

Он не просто стоял — он загоразивал путь. Уперев руки в боки, расставив ноги на ширину плеч, он напоминал шлагбаум, который опустили прямо перед ней. Его лицо, обычно рассеянно-насмешливое, было тёмным от сдержанной, кипящей злобы. Глаза сузились, ноздри раздувались — он явно ждал её здесь, караулил, как добычу.

— Ну что, принцесса, — начал он, и его голос прозвучал нарочито спокойно, словно он говорил с непослушным щенком, которого вот-вот ткнут носом в лужу. — Хорошо прогулялась? Городской воздух проветрил мозги?

Мейбл на мгновение застыла. Сердце пропустило удар, потом заколотилось. Она попыталась обойти его, прижимаясь к стене.

— Картер, не сейчас. У меня есть...

— О, у тебя всегда что-то есть! — он сделал шаг вбок, снова преграждая дорогу. Его спокойствие начало трещать по швам, голос набирал обороты, как мотор перед взрывом. — Ты знаешь, сколько времени я провёл в том чёртовом подвале, выпрашивая у Лайонела из архивов копии по тому делу? Два часа, мать твою! Потому что какая-то девчонка-консультант решила меня шантажировать! И что бы что?

Он шагнул ближе, нависая.

— Чтобы потом в это время пойти и отобрать мой кусок работы! Чтобы высунуться перед Уайтом! Ты понимаешь, что ты сделала?

— Я ничего не отбираю! — вспыхнула Мейбл, её собственная усталость и напряжение мгновенно воспламенились от его тона. — Я нашла связь! «Антология Аонид»! Это тот самый проект, который был у твоей самоубийцы! Ты его проигнорировал, Картер! А теперь у нас пропавшая, и та же схема!

Она ткнула пальцем ему в грудь — жест отчаянной храбрости, потому что он был вдвое шире и тяжелее.

— Ты меня тогда вообще слышал или боялся только за свой зад? Я тебе говорила про аномалию! А ты сказал «заморозь мозги»! Вот они, твои замороженные мозги!

Картер фыркнул, и его лицо исказила гримаса презрения. Он отмахнулся от её пальца, как от назойливой мухи.

— Филдс, ты слышишь, о чём я сейчас говорю? — он понизил голос, но от этого он стал только страшнее — шипящий, злой, как пар из прорванной трубы. — Твоя работа — сидеть и копать в бумажках, которые тебе дадут. Составлять свои психологические портретики. А не устраивать самодеятельность, не строить из себя сержанта на выезде! Ты кто по должности? Консультант! Не детектив, не оперативник, не следователь! Ты вообще никто!

— Копаться? — Мейбл выпрямилась во весь свой рост, её глаза сверкали, в них полыхал тот самый огонь, который когда-то заставил Сьюзен Смит признаться. — Пока ты «копался» в архивах под присмотром Уайта, я нашла улику! Пока ты откладывал опрос ключевой свидетельницы на два часа дня, я за час выяснила то, что вы бы не выяснили никогда!

Она выхватила из кармана блокнот, потрясла им перед его носом.

— Этот ублюдок цитирует ей забытый роман! «Сад изваяний»! Ты понимаешь, что это такое? Это не бумажка, Картер, это отпечаток его грёбаного мозга! Это его подпись! Его клеймо!

— Ой, какой ужас, преступник начитанный! — заорал Картер, его терпение лопнуло окончательно. Голос, грубый и раскатистый, ударил о стены коридора, заметался эхом, привлекая внимание. — Преступник книжки читает! Срочно вызывайте Скотланд-Ярд!

Он шагнул к ней вплотную, нависая, как грозовая туча.

— Я тебе щас покажу «отпечаток»! Мои люди тебя видели! У дома Стэнхоуп! В твоём дурацком шарфе, который с вертолёта видно! Ты что, думала, я в своём районе глаз не держу? Думала, я не узнаю? — Он ткнул пальцем себе в грудь. — Я здесь каждый угол знаю! Каждую мусорку! Каждую забегаловку! Ты влезла в мой участок, в мою работу, и совала свой нос туда, куда тебя не просили! Ты подставила меня перед Уайтом! Ты...

— Твои люди опоздали на два часа! — парировала Мейбл, не отступая ни на шаг. Её собственный голос стал пронзительным, металлическим от ярости. Она уже не контролировала себя — просто выплёскивала всё, что накопилось. — Я сделала то, что ты должен был сделать утром! Если бы ты не валял дурака, по сто раз не курил собирая сплетни, не срывался с места за очередной юбкой, мы бы уже знали про эту книгу! Мы бы уже искали её по всем библиотекам!

Она перешла на крик:

— Ты не боишься, что Уайт узнает, как ты работу спустя рукава выполняешь? Как ты игнорируешь улики, потому что тебе лень копать глубже? Хотя нет... Простите. Он знает. Все это знают.

— Я работу пускаю? — Картер двинулся на неё, и Мейбл пришлось отступить на шаг, чтобы не оказаться прижатой к стене. — Я улицу знаю, как свои пять пальцев! Я за день больше людей опрошу, чем ты за месяц по своим книжкам насобираешь! Я по запаху чую, где правда, а где враньё!

Он ткнул пальцем в её блокнот.

— А ты... ты просто выскочка, которой дали удостоверение, и она возомнила себя Шерлоком! Ты плюёшь на все договорённости, на устав, на субординацию, делаешь, что вздумается! Кто тебе разрешил ехать к свидетельнице? Уайт? Хилл? Или твоя гениальная интуиция?

Мейбл открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь в их кабинет приоткрылась. На пороге застыла София Чен, широко раскрыв глаза. В её лице не было ни злорадства, ни любопытства — только испуг. Она явно не знала, куда деваться, оказавшись свидетелем этой сцены. За её спиной встала тёмная, чёткая фигура Кая. Картер, заметив зрителей, не унялся. Наоборот, он развернулся к ним, тыча пальцем в Мейбл, как будто выставлял её на всеобщее обозрение, как экспонат.

— Смотрите! — заорал он, и его голос снова заметался по коридору. — Наша самонадеянная профилистка! Решила, что протокол — для лузеров! Втайне от всех, без согласования, смоталась к моему свидетелю! Потому что ей, видите ли, «контекст» нужен!

Он сделал паузу, чтобы перевести дух, и продолжил:

— А то, что она всю цепочку может порвать, что улики потом в суде к чёрту полетят — ей по барабану! У неё же интуиция! Она же у нас гений!

Мейбл рванулась вперёд, обходя Картера, и оказалась лицом к лицу с Каем. В её взгляде горел вызов и отчаянная надежда, что он поймёт. Что он увидит за её нарушением то, что действительно важно. Как увидел это тогда и обязан был принять снова.

— Кай! — выпалила она, протягивая блокнот. — Он говорил с ней голосом! По зашифрованной связи! Цитировал «Сад изваяний»! Это не случайность, это ключ! Его культурный код! Это то, что вы не найдёте никакими метаданными, потому что этого нет в переписке!

Она почти кричала, но в её голосе слышалась мольба.

— Пойми, это не просто книга! Это его подпись! Его способ думать! Если мы поймём, почему он выбрал именно её, мы поймём, кто он!

Кай вышел из тени дверного проёма. Он посмотрел на Картера — разгорячённого, раздутого от гнева, тяжело дышащего. Потом на Мейбл — взъерошенную, с горящими глазами, дышащую как загнанный зверь. В его глазах была холодная, беспристрастная оценка ситуации. Без жалости. Без сочувствия. Без намёка на то, что они когда-то были ближе, чем просто коллеги.

— Мисс Филдс, — его голос разрезал гулкую тишину после крика. Ровный, негромкий, но от этого ещё более страшный. — Вы вышли на контакт со свидетельницей по текущему делу без санкции ответственного оперативника. Так?

Мейбл сглотнула. Она чувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Мне нужен был... — начала она.

— Да или нет? — перебил он.

— Да. Но...

— Сержант Картер, — Кай повернулся к нему, даже не дослушав. — Опрос мисс Стэнхоуп был в вашем плане на сегодня?

Картер, всё ещё тяжело дыша, кивнул. На его лице появилось выражение мрачного удовлетворения.

— На 14:00. Мои люди как раз подъезжали, когда Филдс оттуда выходила. В своём дурацком шарфе. Засветилась на все камеры.

— Значит, вы не только самовольно вышли на контакт, мисс Филдс, — Кай вернул на неё ледяной взгляд. — Но и сорвали запланированное, официальное действие. Вы поставили под сомнение любые данные, полученные от этого свидетеля, и создали оперативный конфликт.

Он говорил спокойно, размеренно, будто зачитывал приговор.

— Вы понимаете уровень этого нарушения?

— Я пыталась помочь! — в голосе Мейбл прорвалась дрожь, смесь ярости и отчаяния. — Мы же команда! Мы должны использовать любую возможность! Она рассказала мне то, что никогда не рассказала бы его людям с их казёнными вопросами! Потому что я говорила с ней как человек!

— Команда функционирует по правилам, — отчеканил Кай. Его слова падали, как капли ледяной воды, одна за другой. — Не вопреки им. Ваша «инициатива» — это не помощь. Это хаос. Хаос, который ставит под удар легитимность всего расследования.

Он сделал паузу, и в этой паузе повисло то, что никто не сказал вслух.

— Или после одного успеха вы решили, что вам всё дозволено?

Мейбл посмотрела на него и не поверила своим ушам.

— Это не хаос, это работа! — попыталась бросить она, но её голос уже терял силу, ломался на полуслове.

— Работа делается системно. По инструкции, — его голос стал тише, но от этого только твёрже. Он уже не убеждал — он приговаривал. — Ваше поведение — непредсказуемый риск. Риск, который я, как руководитель направления, не могу себе позволить. Никакие «культурные коды» не оправдывают разрушения процедуры.

Он смотрел на неё не как на партнёра, с которой ел мороженое, ходил в кино и позволял себе неформальные переписки. Он смотрел на сбой в системе, который необходимо устранить.

— Всё понятно?

Мейбл смотрела на него. Весь её пыл, вся её уверенность, что он увидит ценность её находки, что он поймёт, рассыпались в прах. Она стояла перед ним, держа в руках блокнот с уникальной информацией, которую добыла потом и энтузиазмом, — и он объявлял её мусором. Потому что процедура. Потому что правила. Потому что он снова стал тем Каем, которого она ненавидела в первые дни. Что-то внутри неё надломилось. Не с грохотом, не со зво-

ном — тихо, как ломается перемороженная ветка под первым снегом. Вся борьба, вся злость, вся надежда вытекли из неё, оставив ледяную, беззвучную пустоту. Она отвела взгляд от его каменного лица. Опустила глаза вниз — и увидела свои носки. Яркие, нелепые, полосатые. Те самые, которые он когда-то назвал «отвлекающим фактором». Тогда это было смешно. Тогда это было почти нежно. Сейчас они казались ей детскими. Глупыми. Неуместными. В глазах зашипало. Горячий, предательский туман заструился, застывая всё вокруг. Нет. Только не это. Только не при нём. Только не при Картере, который стоит за спиной и ухмыляется. Только не при Софии, которая смотрит испуганно, как на умирающую птицу. Чёрствый процессуальный сухарь не заслуживает ни единой её слезинки. Она сжала челюсти так, что зубы заскрипели. Втянула воздух носом, глубоко, судорожно. Приложила все усилия, чтобы удержать влагу внутри. Чтобы не дать ей пролиться.

— Кристально понятно, детектив Хилл, — произнесла она тихим, ровным, абсолютно пустым голосом. Голосом, в котором не было ничего. Ни злости, ни боли, ни надежды.

Что-то дрогнуло в уголке его глаза. Почти невидимая тень, микроскопическое движение, которое никто, кроме неё, не заметил бы. Его цепкий взгляд зафиксировал мгновенное покраснение белков, блеск непролитых слёз, мелкую дрожь в напряжённой линии губ. В грудь ударила невидимая пощёчина. От которой на миг перехватило дыхание. Но почему? Он знал, что правда на его стороне. Процедура была священна. Правила существовали не просто так. Если позволить каждому нарушать их ради «высшей цели», наступит хаос. А хаос — это смерть. Он знал это лучше всех.

Так откуда этот едкий привкус вины, поднимающийся к горлу? Откуда это чувство, будто он только что переехал машиной бездомную собаку? Он не позволил себе ответить на эти вопросы. Не сейчас. Не здесь. Кивнул коротко и резко, стремясь поскорее завершить этот неприятный инцидент.

— Сержант Картер, продолжайте опросы по своему графику. Все полученные данные сверить и внести в общую базу.

Картер шумно выдохнул, явно удовлетворённый исходом.

— Мисс Филдс, — Кай даже не повернул головы в её сторону. — Все ваши замечания по поводу «книги» оформить в виде служебной записки или передать констеблю Чен. До дальнейших указаний — никаких контактов с участниками дела. Никаких.

Он развернулся и ушёл в кабинет. Его прямая спина, идеально обтянутая безупречной рубашкой, была живым воплощением непробиваемого регламента. Машина, которая не знает сбоев. София, бросив на Мейбл последний испуганно-извиняющийся взгляд — в нём было что-то похожее на сочувствие, но она была слишком новой, слишком тихой, чтобы вмешаться, — поспешила за ним. Дверь закрылась, отсекая Мейбл от мира, где работают, говорят, дышат.

Картер постоял секунду, глядя на неё. Злость с его лица схлынула, сменившись странным, безразличным недоумением. Будто он наблюдал не за служебным разносом, а за казнью щенка — нелепой, жестокой и какой-то неправильной.

— Ну вот, — хрипло пробормотал он, плюхаясь на стул у стены и доставая телефон. — Разобрали по полочкам. Теперь, док Квак, сиди и не рыпайся. А то ещё чего доброго — инициативу проявишь.

Он хохотнул — коротко, безрадостно — и уткнулся в экран.

Мейбл не ответила. Она медленно прошла в кабинет. Каждый шаг давался с трудом, будто ноги налились свинцом. Положила свой помятый, драгоценный блокнот на край стола Софии. Аккуратно, ровно, чтобы не нарушить идеальный порядок. Села на своё место. Сцепила руки на коленях, чтобы они не тряслись. Сильно, до боли, до белых костяшек.

Из-за перегородки доносился ровный, деловой гул. Мейбл смотрела на тёмный экран монитора, в котором отражалось её собственное бледное, чужое лицо.

Она сидела так долго. Очень долго. Не двигаясь, не моргая, почти не дыша.

В отражении она видела свои глаза. Пустые. Как у той куклы, которую она заметила в кабинете Сьюзен Смит.

«Ты просто выскочка, которой дали удостоверение».

«Ваше поведение — непредсказуемый риск».

«Сиди и не рытайся».

Слова бились в голове, как мухи о стекло. Она не знала, сколько прошло времени. Может, минута. Может, час.

Где-то в кармане завибрировал телефон. Она не стала его доставать. Где-то за окном моросил дождь. Она не видела.

Где-то там, в этом городе, была девушка по имени Элис Рид. Живая или мёртвая. И где-то там был человек, который называл себя Марком, который цитировал забытые романы и думал, что он неуловим. А она сидела здесь. И молчала. Потому что правила. Потому что процедура. Потому что она — всего лишь «консультант», которому не место на настоящей охоте. Она закрыла глаза. В темноте всплыло название: «Сад изваяний». Она открыла глаза. Посмотрела на свои руки. Они перестали дрожать.

До конца рабочего дня в кабинете царила тишина.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.